

Олег САФОНОВ

Генетический брак

Рассказы

Новокузнецк
2022

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Олег САФОНОВ

Генетический брак

Рассказы

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С 22

САФОНОВ Олег Александрович

С 22 **Генетический брак** : рассказы / Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ»; сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2022. – 48 с.
12+

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Новая книга КЛФ «Контакт» содержит рассказы Олега Сафонова: два фантастических о будущем и один нефантастический – о том, каким путём мы к такому будущему идём.

САФОНОВ Олег Александрович родился 14 марта 1974 г. в Новокузнецке. Закончил НГПИ в 1997 г. (специальность – учитель географии и биологии). Закончил НФ КузГПУ в 2006 г. по специальности «Юриспруденция». Работает заместителем директора в гимназии № 44 Новокузнецка.

Первая публикация – рассказ «Цена победы» в сборнике «Песня» (М., 2019), изданном по итогам конкурса «Новые писатели-2019». Первая публикация фантастики – рассказ «Гладиатор» в сборнике «Заблудившееся время» (М., 2021), изданном по итогам конкурса фантастического рассказа «Метафорическая деформация-2021».

В КЛФ «Контакт» пришёл в апреле 2022 года.

Гладиатор

Невысокий взъерошенный человек ходил из угла в угол по тускло освещённой комнате. Возникало сомнение.

«Предательская слабость», – злился на себя Платонов.

Он знал, что его враг никогда не сомневается. Просто просчитывает варианты методично, без эмоций. И всегда приходит к заданной цели. Хотя нет! Грубая ошибка! Не к заданной, а к чётко поставленной им самим цели. И ему опять стало не по себе. Неравный бой! Элементарная частица мегаполиса на семнадцатом этаже в три часа ночи. С чашкой остывшего чая и сахаром в крови. Со старым ноутбуком, истёртым, как диски в поясице. И со своим писательским талантом, в котором он тоже вечно сомневался. Что он может против такого врага?

Платонов не думал, что к этому придёт. В архаичные времена, когда он ещё давил первые прыщи на лбу, его соперник впервые стал чемпионом. Уже тогда повеяло холодом на особо чувствительных, особенно на тех, кто считал шахматы искусством. Затем появились первые программы от корпорации «Органон». Такая забава. Задаёшь в сети время, место действия, пол, возраст героев – и псевдоинтеллект «творит» псевдолитературную историю. Глупую, занимательную лишь тем, как справился с задачей электронный автор.

Однако все понимали, что это только начало. Вышки качали углеводороды, шахты вгрызались в недра, банки вытягивали деньги, закрывая для многих последние двери, за которыми ещё могла быть надежда. Всё это стекалось в рафинированном виде на счета корпорации и скармливалось искусственному интеллекту. Младенец рос, потребляя больше, чем все дети Африки. И вот уже начинающие писатели с грустью отмечали, что неживой интеллект пишет как-то живее, интереснее. Впрочем, ещё далеко не шедевры, скорее мыльные оперы и дешёвые детективы. Но Платонов чувствовал (и не он один!), что рушится некая тайна.

Он давно созрел, когда к нему пришли, предвидел, но не так представлял себе эту встречу. В дальнем углу пивбара, куда Платонов зачастую заглядывал после работы, за его любимым столиком сидел небритый тип в серых джинсах и мешковатой ветровке. Тип улыбался, глядя на него. Может, насмешка, а может, просто хорошее настроение?

Надо проверить. И Платонов с полной кружкой решительно направился к нему.

Через час они уже оживлённо спорили, вернее, не спорили, говорил больше Платонов. Говорил о том, что литература меняется и должна меняться, идти в ногу со временем, чувствовать пульс современного общества, не закрываться от среднего человека лирикой и философским мудрствованием... Иначе не успеем моргнуть, как Органон «сожрёт» всех авторов с редакциями в придачу. В общем, банально говорил, но от души.

И вдруг, поймав пристальный, сканирующий взгляд, спохватился, что ничего не знает о своём случайном знакомом, кроме того, что его зовут Альберт и что он тоже когда-то пытался писать. Покоробило.

Человек, напротив, улыбнулся, явно читая его мысли.

– Ну вот, так хорошо беседовали... Я думал, раньше поймёшь.

– Что вам от меня нужно? – нахмурился Платонов.

– Ваш талант.

– Помогать создавать этого монстра?

– Монстр уже создан. Гуманитарный интеллект третьего поколения.

Мы предлагаем Вам сразиться с ним.

– Назовите хотя бы одну причину, почему я должен согласиться, иначе прекращаем разговор.

Возникла щемящая пауза, словно в него целились из ружья.

«В эту минуту надо было встать и уйти», – не раз думал потом Платонов.

– Напишите такой рассказ, который превзойдёт творение Органона, и мы закроем проект.

Платонов расхохотался:

– Обознался. Я думал, ты полубог, а ты шут гороховый. Туда вложены миллиарды. Кто же его закроет? Легче прихлопнуть меня, как муху.

Мешковатый тип, без обиды и даже с явной симпатией, сказал:

– А что шут – плохой персонаж? В своё время только шутам разрешалось говорить правду. А правда в том, что Органон, возможно, тупиковая ветвь технологической эволюции, сродни австралопитеку. Есть серьёзное подозрение, что при его разработке допущена какая-то фундаментальная ошибка, которую в принципе нельзя исправить.

– Но почему я? – похолодел Платонов.

– Возможно, в Вас есть та творческая потенция, которой не хватает Органону. И никогда не хватит.

– Если я откажусь?

Альберт пожал плечами:

– Найдётся другой автор, у которого меньше шансов. Впрочем, Вы не откажетесь. И вообще, я знаю: Вы покончите с ним. Пора. Я уверен в этом, как в законе всемирного тяготения.

– Подождите, но кто будет выбирать победителя?

Его собеседник вскинул брови:

– вспомните, о чём Вы говорили минуту назад. Общество оценит, кто лучше чувствует его пульс.

Дальше было всё, как полагалось. Много шумихи. Предварительные консультации. Пресс-конференция. СМИ с наслаждением разогревали интерес, втягивая в информационную орбиту предстоящего поединка и серьёзные научные умы, и политиков, вернее тех, кому не хватало политического пиара, и, уж понятно, литературное сообщество. Даже любители воблы не оставались равнодушными, поднимая стаканы со слоганом: «Ударим Платоном по Органону!»

Сам Платонов развил нешуточную активность. Пламя, горевшее в нём, ставило под его штандарт всё больше легионеров пера. Свою речь, подобно Катону Старшему¹, он завершал всякий раз словами: «Органон должен быть разрушен!»

И вот теперь он метался по комнате. В его сознании, путаясь, бешено скакали мысли, заставляя учащённо биться сердце. И когда работа была закончена, он всё же сомневался.

Платонов знал, как надо писать. Глубокими шрамами заработал он свой писательский опыт, заставив, наконец, себя услышать.

Простые человеческие рефлексy. Внимание как доминанта в отделе мозга. Борьба за внимание с первых строк. Уже и само название должно выделяться из списка, говорить, что родилось необычное дитя. А дальше, захватив внимание, рывком втягивать читателя в сюжет и спускать с американских горок. Полцарства за сюжет!

Резать лирику. Бегло о рассветах и закатах, ни слова о лепестках. Парадокс, но человеческая природа не терпит описания природы. Все это размывает луч интереса, не даёт ему сконцентрироваться в точку и поджечь читателя.

Меньше слов. Слова мешают, не вписываются в динамику современного мира. Мира лайков и кликов. Не успевают за движением по ныряющим рельсам. В идеале должен появиться Малевич от литературы и написать рассказ без слов.

Неожиданность. Неожиданность всегда побеждает: и при Каннах, и на Куликовом поле, и в сражении за аудиторию. Крутить сюжет так,

---

¹ Марк Пóрций Катóн Старший – древнеримский политик и писатель. Широко известно постоянно повторяемое им высказывание «Карфаген должен быть разрушен!»

чтобы читателя мотало из стороны в сторону, чтобы он с виража на краю пропасти уходил в мёртвую петлю.

К черту психологию! От психологии недалеко и до философии, а это уже очень резкая остановка. Ступор для современного человека. Он скорее простит автору фальшь, чем философию. Нужна не психология, а брутальность, некое животное начало, стремление обладать и разрушать, которого не хватает людям и о котором они в тайне мечтают.

В идеале надо добраться до подкорки, до более древних в эволюционном отношении отделов мозга. Только в этом случае гарантирован успех.

Три месяца Платонов бился с невидимым врагом, вжившись в образ римского солдата, разящего варваров, утверждающего своим оружием культурное превосходство и право на власть казавшейся вечной цивилизации.

И вот сегодня, когда он, наконец, решительным победным ударом поставил последнюю точку, началось наваждение. Неудержимо тянуло стереть, испепелить своё творчество, уничтожить резервную копию и бежать сломя голову от всего этого безумия. Лучше сразу через балкон, чтобы больше точно не единой строки. Он не мог объяснить, но чувствовал, что чего-то недостает. Самого главного. Наверное, у него всё-таки был талант...

Жар охватывал голову, давило виски. Сбиваясь, стучало беспокойное сердце. Платонов распахнул окно. Лёгким живительным прикосновением вошла в комнату, может быть, последняя перед осенью тёплая ночь. И почему-то вдруг вспомнилось, как мама в далёком детстве ставила холодный компресс на его пылающий лоб и задумчиво гладила его вечно взъерошенную макушку, теперь, увы, уже седую, а на смятом одеяле лежали исчерканные фломастером любимые сказки. Вот и теперь над уснувшим городом, словно на детской картинке, рассыпались бисером по синему бархату совсем близкие и совсем доступные звёзды. Месяц серебряным коньком смотрел на него игриво, приглашая побегать по куполу неба. И там, на краю горизонта, где начинается тайна, найти ту единственную заветную звезду, которая светит с рождения только ему.

Платонов не помнил, сколько он стоял, вдыхая очарование ночи. Стало легче.

«Прочь сомнения! – опять проснулась в нём римская кровь.– Замечательный получился рассказ. Все остальное – обычная человеческая слабость».

Триумф был полным. С фанфарами и колесницей. Со сбивающими с ног журналистами и сияющими глазами красивых женщин. С

поздравлениями маститых коллег и оптимистичными дискуссиями в научных кругах. Казалось, весь мир пришёл в движение, празднуя падение Органона. Один раз только кольнуло в груди, когда среди моря восторга как будто мелькнул вдруг знакомый пристальный взгляд. Теперь уже с явной насмешкой. Но, может быть, показалось...

Невысокий ссутулившийся человек плохо обходил лужи и вообще не различал дороги. Бесконечная осень сыпала затяжным мелким дождём, растекалась по тротуарам, хлябала в давно промокших ботинках, добавляя промозглой серости в опустевшую душу. Надоевшей до боли пластинкой крутился в голове Платонова последний короткий разговор с Альбертом.

Сколько умных, глубоких слов готовился он сказать этому избранному, в безупречном светлом костюме в шикарном офисе холодно-стеклянного небоскрёба, откуда, казалась, легко можно менять движение небесных тел. И осёкся, наткнувшись на снисходительную улыбку и пугающие своей простотой вопросы:

– Платонов, Вы в самом деле думаете, что тот, кто ставит нам лайки в сети, искренне восхищается нами? И скажите по совести, скольких друзей по переписке мы можем назвать друзьями?

Затем без улыбки продолжил:

– Вы действительно победили Органон по результатам свободного интернет-голосования. Победили без вопросов, с громадным отрывом. Однако наша корпорация имеет возможность отслеживать все запросы пользователей сети. Ну, почти все. И вот тут по прошествии месяца получается совершенно иная картина, с точностью наоборот. Проголосовали за Вас, а читают виртуального автора. Мы знали, что так будет. Пока ещё люди в подобных случаях голосуют за человека.

– Ложь! – прохрипел Платонов, не узнав своего голоса. При таком раскладе вы бы никогда не закрыли проект. Кто режет курицу, несущую золотые яйца?

– Мастер, Вы меня удивляете! А как же эффект новизны? Это же лучший способ привлечь внимание, в том числе и в бизнесе при хорошей рекламе. Органон не разрушен. Здесь нет отрицания. Искусственный интеллект продолжает развитие, пока с нашей помощью, вбирает в себя всё самое эффективное, безжалостно отрезая отжившее, ненужное обществу. Просто настал момент, когда он должен был выйти на новый уровень. И тут понадобились Вы с вашей харизмой и потенцией победителя. Уже завтра старое имя, которое Вы с таким блеском уничтожили, канет в небытие, и все будут жаждать нового чуда. И чудо придёт, как бы спустится с небес. Появится «Последний классик» – безраздельный властелин на рынке новых технологий.

– Название – насмешка? – зло скривился Платонов

– Отнюдь, название с определённым заделом. Скоро мы займём и то узкое пространство, в котором ещё пытаются влиять на человека учителя литературы. Правда есть одна проблема... У электронного мозга трудности со стихами, но полагаем, что поэзия сама по себе скоро исчезнет из нашего мира.

– Зачем вам всё это нужно?

– Для начала усилить контроль. Что затем? Ну, это пока ещё фантазии...

– А не боитесь, что миллиарды, вложенные в проект, перечеркнёт всё-таки закрывшаяся в него фундаментальная ошибка?

От Платонова не укрылось тревожное движение губ и мимолётная тень на лице Альберта.

– Слушай, Платонов, всё может быть, но давай реально посмотрим на факты. Этому ребёнку ещё нет и десяти, а он уже положил тебя на лопатки. А вот ответ себе честно: что изменились в людях за две тысячи лет? Что нужно в сухом остатке так воспеваемому тобой среднему человеку, чтобы почувствовать себя счастливым? Вот именно! Только хлеба и зрелищ!

Дорогой в один конец тянулась пустынная аллея парка. Да, всё верно. Он спутал время и место. Бесстрашный воин, продвигающий границы империи? Глупость. Гладиатор, сражавшийся на потеху публики. Гладиатор, которому позволили жить. Рёв трибун. Рукоплескания толпы. Склонившаяся к закату цивилизация.

Дальше идти было некуда. Резные перила, за ними внизу холодная тёмная вода. Дождь закончился, видно, небо выплакало все свои слёзы. Платонов оглядел, словно во сне, палую листву, старые стволы деревьев, мокрые голые сучья, среди которых одиноко темнело так и не сумевшее упасть по-старушечьи смятое яблоко. Кажется, он когда-то бывал в этом месте. Почему он забрёл сюда? Но теперь уж не всё ли равно.

Из нависших лохмотьев вынырнул, разрезая картину, внезапно полоснув по сердцу, случайный солнечный луч. Побежал ярким золотом по дрожащей воде, заискрил, заиграл дробно, отдаваясь в душе переливом знакомого смеха.

Он всё вспомнил, словно это было вчера. Вспомнил тот пронзительный час на заре своей молодости, цветущий сад на рассвете в молочной утренней дымке, нежной как пушок возле уха хрупкой девушки в ситцевом платье, ветви яблонь, укутанные белым дурманом. Одна из них, самая стройная и тоненькая, как рука его спутницы, тянулась к нему. Так хотелось прижаться щекой к этой прелести и вдыхать с наслаждением томный запах, смешавшийся с зовущим ароматом каштановых прядей. И сорвать один, совсем ещё юный, очень

несмелый бутон с бледно-розовой каймой, так похожий на нежные губы его первой любви, готовый впервые раскрыться под лучом восходящего солнца, на котором висела прозрачная капля, словно слезинка на краю повлажневшей ресницы. И он чувствовал горячее трепыханье взволнованной птахи в девичьей груди.

Как тянуло его в те минуты рассказать этой девочке всё, что скопилось в душе, прочитать, наконец, свои первые в жизни стихи. Но он молчал, глупый влюблённый мальчишка, угловатый и скромный. А когда возле этих перил вспыхнул солнечный свет, ослепив их обоих, она рассмеялась, откинувшись нервно, схватила и неумело поцеловала его в растерянные от внезапного счастья губы. И в глазах его стало чуть больше росы...

Платонов долго стоял, поражённый видением. Но вот плечи его расправились от глубокого вдоха, и в решительном взгляде загорелся прежний огонь. Рано сдаваться! Он ещё создаст свой шедевр, в котором будет звенеть и вибрировать сотней электрических струн стремительный пульс современного мира. Упругим шагом Платонов вышел из парка. Спустившийся вечер тонул в зареве огромного города. По автостраде летели потоки машин. Он ускорился, сжав кулаки. Почти побежал. Сбиваясь, стучало, не успевая за ним, непокорное сердце.

Генетический брак

Последние лучи солнца, раскрасив золотом тянущиеся от самого горизонта нагромождения высоток, разлились лиловой иллюзией по панорамным окнам огромной башни, заслонившей часть неба. В лаборатории верхнего яруса вечерний свет сфокусировался на неподвижном высоком человеке, ярко выделяя орлиный нос и большой лоб с залысынами, обрамлённый гривой седых волос. Бероев любил смотреть на закат. В эти минуты светило становилось доступно невооруженному глазу, и профессор, наблюдая, как пылающий шар скрывается за краем Земли, в очередной раз чувствовал незыблемость законов мироздания. Миллиарды лет движения материи, миллиарды лет её развития, непостижимый факт возникновения и усложнения жизни на затерянной в безграничном пространстве крупине вещества, наконец, восхождение материи к уникальной способности самопознания. И сегодня уже очевидно, что она может не только осознавать, но и произвольно менять себя в необходимом ей направлении. Бероев верил именно в такой вектор космической эволюции: появление во вселенной разумной субстанции, которая со временем станет совершенной.

В живом мире генетика решает всё, также как законы физики в неорганической природе. Истина, блистательно доказанная практикой. Споры о роли этой спасительной для цивилизации науки прекратились, когда общество почувствовало реальность надвигающейся катастрофы. Одно-два поколения – вот слова, которые всколыхнули каждого! Тогда испарился оптимизм по поводу венца творения, поставившего себя вне естественного отбора. Оказалось, без жёсткого, отсекающего лезвия генетическая основа самого совершенного вида, накапливая мутации, медленно, но верно деградировала. Напрасно люди долгое время с потрясающей беспечностью принимали тот факт, что на Земле не осталось здоровых детей и уж тем более взрослых. Конечно, чудеса медицины до поры до времени латали дыры, ползущие от надорванных мест ослабленного генофонда, но так не могло продолжаться бесконечно. Перемены наступили внезапно. Человек разумный не сразу понял, что вымирает. В смятении заговорили о стремительно растущей летальности обычных вроде бы вирусов, о повальном распространении врождённых аномалий, о чудовищном росте старческих болезней у молодёжи... Больницы переполнялись,

крематории не справлялись, паника нарастала. Наконец общество, отбросив предрассудки, услышало ранее недоступный для восприятия голос учёных: «Дайте нам действовать. Иначе через одно-два поколения точка невозврата».

И Homo sapiens, как всегда, мобилизовался. Собрал самое лучшее, талантливое в кулак. Сосредоточился мыслью в научно-исследовательских институтах, сконцентрировался творческой идеей в экспериментальных лабораториях. То было поистине героическое время для генетиков, на которых, затаив дыхание, смотрела в тревожном ожидании планета. Успехи генной терапии¹, которая беспрепятственно и смело вмешалась в геном, прежде считавшийся священным, не заставили себя ждать. Онкология, гипертония, диабет, цирроз, туберкулез, ВИЧ и не один десяток других смертельных угроз стали просто словами из прошлого. Синтез новых органов, взамен изношенных – обычным делом. Адаптивные возможности человеческого организма были выведены на совершенно новый уровень. Впрочем, всё это уже давно стало историей. Бероев занимался другими вопросами.

Сработали фотоэлементы, и в изгибах волнообразного потолка загорелась мягкая переливающаяся пастельными тонами подсветка. Уже несколько дней профессор испытывал непонятный дискомфорт, сегодня окончательно переросший в настойчивое тоскливое чувство. Пытаясь найти причину своего состояния, Бероев опять перебирал в памяти события последней недели и вновь не находил ничего необычного. Подготовка доклада на расширенное заседание Большого совета Восточно-Европейской корпорации генетиков. Анализ очередной партии генетических карт, сопоставление их с биографическими данными и реальными способностями владельцев. Мучительный поиск вечно ускользающей «комбинации гениальности» в нескончаемом множестве возможных сочетаний участков ДНК. Ну и вечная рутина, на которую, по-хорошему, в свои семьдесят два уже не стоило тратить время: планы, отчеты, справки, подписи на решениях по генетическому браку... Вдруг неподвижный до этого профессор резко повернулся, направился к столу и позвонил по телефону внутренней связи.

Через несколько минут в коридоре послышались уверенные быстрые шаги. Дверь автоматически распахнулась, пропустив плотного, среднего роста мужчину лет тридцати пяти, стриженного ёжиком. Скуластое лицо его, очерченное снизу чёрной бородкой, покрывал здоровый румянец, свойственный людям, которым ничто не

---

¹ Генная терапия – совокупность генноинженерных и медицинских методов, направленных на внесение изменений в генетический аппарат клеток человека в целях лечения заболеваний.

мешает радоваться жизни. Ему все прочили большую карьеру, так как он был внучатым племянником знаменитого учёного. Коллеги за глаза называли его Тимурчиком, но вообще-то Тимур Бероев старался пресекать фамильярность в общении.

– Добрый вечер, Аслан Давидович. Чем могу служить? – подался он вперёд улыбаясь, изображая поклон, совсем сузив и без того раскосые глаза.

– Здравствуй, Тимур, садись. Ведь это ты проверял карты беременных за прошедшие две недели?

– Так точно, Ваше высокопревосходительство, исследовал до самого последнего нуклеотида!¹ – шутя отрапортовал Тимур, плюхнувшись в массивное кресло, с удовольствием поглаживая его дорогую бархатную обивку.

Наедине с профессором он мог позволить себе такой дурашливый тон, пользуясь положением родственника. Однако вопреки его ожиданиям морщины на лице профессора не разгладились.

– Хорошо. Тогда ответь мне, как старший научный сотрудник, что ты думаешь об эмбрионе S-245?

Тимур на мгновение озадачился, затем опять улыбнулся:

– Я думаю, генетический брак.

– И какие у тебя основания так считать?

– Так ведь не я считаю. Машина считает. Программных сбоев не было, проверил...

– А если машина ошиблась?

– Мы, слава богу, не в двадцатом веке. Машины сейчас не ошибаются. Тем более что алгоритмы, в неё заложенные, основаны на блестящих разработках команды Бероева, учёного с мировым именем.

Повисла пауза. Профессор долго смотрел сквозь племянника. Наконец он проговорил задумчиво:

– Такие ли уж они блестящие?..

– Да Вы же сами меня учили, Аслан Давидович, что критерий истины – практика. – Он кивнул в сторону окна. – Посмотрите ещё раз на бьющую в глаза реальность.

Действительно, внизу на смену быстро растворившимся эфемерным сумеркам пришёл яркий океан огней мегаполиса, поглотивший видимое пространство, затмевающий своими искусственным светом настоящие звёзды.

– Всем известно, какая сложилась ситуация на Земле после успехов так называемой «генетической революции», когда средняя продолжительность

---

¹ Нуклеотид – базовый структурный элемент, из совокупности которых состоят гены и в целом молекула ДНК.

жизни выросла до ста пяти лет. Семнадцать миллиардов населения! Страдающего населения, которому не хватало воды и еды, не говоря уже обо всём остальном. Отбор необходим даже среди физически здоровых. Природу не обманешь. Ограничить рождаемость на основе Ваших критериев – наиболее удобный и гуманный из всех возможных путей. Недаром общество согласилось на этот путь и достигло на нём успеха. Жёсткая корреляция между численностью счастливых людей и необходимым количеством ресурсов. Стабильность и процветание. Виват, Аслан Давидович!

– Удивительное дело, Тимур, но в молодости я мечтал совсем о другом. Думал сделать человека совершеннее в интеллектуальном плане, увеличить его креативные возможности, активизировать скрытые таланты, раскрыв их генетическую составляющую. А в итоге мои разработки используются для того, чтобы не дать этому самому человеку появиться на свет.

– Не дать появиться тому, кому не стоит появляться, – отрезал Тимур. – Если Ваша кафедра пока и не нашла код совершенного человека, то показатели интеллектуальной посредственности выявила достаточно чётко.

– И всё-таки S-245. Ты всматривался в него?

На лице старшего научного сотрудника промелькнула досада. Вообще-то он, поднимаясь в лабораторию, видел удобный случай побеседовать с профессором тет-а-тет совершенно о другом. И вот, вместо того, чтобы начать важный разговор, приходится слушать очередной бзик стареющего мэтра.

– Да кто в них всматривается, Аслан Давидович!? Ну, взглянул мельком. Обычный брак.

– Вот и я тоже так подумал. И внёс вслед за тобой данные в программу ликвидации. Большой совет через неделю утвердит списки, тогда... конец.

– Ну и что. Поставят укол, эмбрион рассосётся, как у нерпы в голодный год, и можно беременеть по новой.

– Однако теперь меня не покидает странное ощущение, – продолжил Бероев, не слушая, – будто я упустил самое важное. Все маркеры говорят о чрезвычайной заурядности интеллекта, но вот их взаимодействие с остальным геномом... В комбинации есть нечто уникальное.

– Конечно, Вам виднее, профессор, – ответил Тимур со скучающим видом. Только кто там мама? Если правильно помню, литературный аниматор из школы на западной окраине? А папа – технический специалист в каком-то заштатном колледже. Впрочем, при повсеместном процветании свободной любви папа – вопрос спорный.

– Что за подход? – нахмурился Бероев. – Мы не принимаем решения, основываясь на социальном статусе владельцев генома.

– Формально так, но Вам, Аслан Давидович, лучше меня известно, что от осинки не родятся апельсинки.

Приняв молчание профессора за знак того, что тема закрыта, Тимур решился:

– Аслан Давидович, я многому у Вас научился. Наверное, пришло время отправляться в самостоятельное плавание. В Западно-Европейской корпорации освобождается место руководителя биоинженерной лаборатории. При Ваших рекомендациях... А там, чем чёрт не шутит, может открыться дорога в Большой совет.

Бероев удивлённо вскинул косматые брови.

– Ты в самом деле хороший ученый, Тимур, хотя, на мой взгляд, слишком узкоспециализированный. Однако, как видишь, тебе ещё есть чему поучиться, если пропускаешь на уничтожение геном с возможной гениальностью.

Тимур открыл было рот, но профессор перебил его:

– А теперь оставь меня. Мне надо подумать.

Старший научный сотрудник уходил от Бероева с более насыщенным румянцем на щеках.

– Действительно, Аслан Давидович, – говорил он про себя в раздражении, – настало время подумать.

В тишине лаборатории Бероев долго раскладывал по косточкам S-245, пытаясь увидеть возможные признаки возможного человека. Не срасталось. Вернее, всё удавалось сшить, но только белыми нитками интуиции. А интуиция в современной науке, использующей компьютерные системы расчёта вариантов, давно уже считалась архаичным подходом. Её на Большом совете не представишь.

Профессор бессильно откинулся в кресле, переведя пустой взгляд на потолок. Вдруг внимание его привлекла розовая точка в правом углу. Точка пульсировала и как будто увеличивалась в размерах. От неё исходили непонятные прерывистые звуки, вроде сообщений азбуки Морзе. Постепенно Аслан Давидович различил в красноватом свечении изогнутый хвост, переходящий в зачаток позвоночника, жаберные дуги и несоразмерно большую голову человеческого эмбриона. Настойчивый сигнал проникал в мозг профессора, обволакивая нейроны, вызывая необыкновенно хорошее чувство, знакомое каждому, кто добивался успеха после напряжённого творческого труда. Перед глазами поплыли химические формулы, картинки нуклеотидов, фотографии хромосом, спиралей ДНК, причудливые изображения генов, потом всё завертелось, перемешалось и в один миг предстало перед взором профессора красивой и чёткой, как звездное небо в ясную ночь, картиной. Картиной гениальности S-245. В этот момент к ужасу Бероева потолок вздрогнул, ожил, и в нём обозначился круглый

массивно-мускулистый центр. От него, извиваясь, поползли разноцветными огнями щупальца, подбираясь к зародышу, который завибрировал, несомненно взывая о помощи. На стене высветилась неизвестная карта. В разных местах изрезанной горизонталями поверхности появились слова: Ахтарск, Чеменгинский перевал, Демьянова пустынь. Через них пробежала изогнутая линия дороги и оборвалась на востоке от пустыни, где загорелась яркая надпись «Архаика». Дохнуло запахом хвойного леса. Затем всё поглотила ослепительная вспышка, и наваждение исчезло.

«Перетрудился. Отключаюсь прямо за рабочим столом, вот и видится всякая чертовщина. Пора заканчивать с навязчивыми мыслями, так недолго и с ума сойти. В любом случае надо отвлечься», – сделал вывод профессор.

За стенами института генетики витал аромат радости, усиленный резким запахом модной парфюмерии. Замелькало. Диодные фонари. Сияющие фасады домов. Мельтешащая на огромных экранах реклама. Ритмичная музыка. Вереницы летящих по полосам, тихих, как летучие мыши, электромобилей. Шумные потоки людей на ровных широких тротуарах. Улыбчивые лица и белые зубы даже у пожилых. Вызывающе яркие наряды. Зовущие взгляд декольте. Облегающее и соблазнительное. Рельефное и маскулинное. Правильное без фотшопа. Настроенное на удовольствие. Под ногами обозначились мерцающие, как елочная гирлянда, стрелки с надписью «Центр счастья № 46». «Что ж, можно и в сорок шестой, какая разница», – подумал Бероев, сворачивая налево, не сопротивляясь подхватившей его возбужденной людской волне.

Центр счастья представлял собой громадный стеклянный параллелепипед на площади Учёных. Однако струящиеся наподобие лазерного шоу потоки света создавали удивительно качественные голограммы, и сорок шестой поминутно превращался то в беломраморный Тадж-Махал, то в зияющий порталом Страшного суда Нотр-дам-де-Пари, то в другие шедевры архитектуры.

«Что ж, в самом деле, оптимальное решение, – в очередной раз отметил профессор, приближаясь к главному входу. – При минимуме затраченных ресурсов – серьёзная эстетическая составляющая». Прикоснувшись кольцом к инфоприемнику, он вошёл в здание. «Тоже чрезвычайно удобная вещь», – вздохнул Аслан Давидович. В куске жёлтого металла с микросхемами всё: деньги, личные документы, прививки, группа крови, перенесённые болезни, генетическая карта. Он ещё помнил жизнь без колец, когда приходилось иной раз искать в карманах наличные и бегать за справками в разные инстанции. Помнил дискуссии о вживляемых чипах, которые будут подавать зомбирующие сигналы. Глулости, обычные технологические страшилки. Кольцо при

желании всегда можно снять, и даже, если захочется почудить, совсем выкинуть. Потом, правда, придётся заплатить внушительный штраф, чтобы получить новое.

Бероев сидел в уютном ресторане, облокотившись на спинку в меру мягкого дивана, а за прозрачной стеной бушевало море. Море эмоций. Трубы многоуровневого аквапарка были сделаны из гиперпластичных материалов, что позволяло автоматически менять конфигурацию спусков до тридцати-сорока вариантов, в очередной раз вызывая у посетителей новую волну адреналина. Глядя на захлебывающихся от восторга детей и радостные лица их родителей, не сходящие с панорамных мониторов, профессор подумал, что правительство выполнило своё обещание. Каждая семья имеет возможность раз в неделю посещать центр счастья. «Впрочем, большинству из этих счастливых людей приходится работать за компьютером по десять – одиннадцать часов в сутки», – невесело усмехнулся Бероев. И такое уж видно было сегодня у него настроение, что даже жареная баранина казалась не столь вкусной. Конечно, профессор прекрасно знал, что на тарелке синтезированный белковый комплекс с химическим наполнителем «Архар», знал также, что он ничем не уступает натуральной продукции скотоводства, которое сохранилось только в отдельных труднодоступных районах Земли. Но почему-то хотелось совсем другого.

В памяти всплыли картины раннего детства. Яркие цветы на альпийских лугах, прощально кивающие вечернему солнцу, отары овец на склонах, закрытых тенью соседнего хребта, лиловая близость засыпающих снежных вершин, гул реки в туманном ущелье. Лохматые собаки, развалившиеся у трескучего костра, сложенного казавшимся огромным отцом. В это наполненное тающим светом время он часто садил его на колени, доставал самодельную свирель и долго играл простую, грубоватую мелодию, вобравшую в себя очарование окрестных гор. А по небу медленно брели на неведомый далёкий север сиреневые барашки облаков. Потом они с большим и бесконечно родным человеком молча смотрели в тишине, как распускаются над Казбеком звёзды. Когда ночь совсем поглощала долину, проникая холодом под накинутую на плечи овчину, отец давал ему, как настоящему мужчине и помощнику, настоящее, горячее пахнущее дымом мясо и неизменно говорил: «У каждого, сынок, своя дорога, мне же кроме этих гор ничего не нужно. И ты сохрани их в своем сердце».

– Аслан Давидович, здравствуйте, – пропел знакомый звучный голос.

Бероев вздрогнул от неожиданности и невольно подтянулся, словно актёр перед выходом на сцену, увидев давнюю знакомую и коллегу по цеху. Виолетта, как всегда, была хороша. Чёрное элегантное платье,

зауженное в талии, подчёркивало плавность изгибов, к которым равнодушны мужчины. В меру высокий разрез открывал точёную голень, которая, чёрт возьми, заставляла сгущаться кровь. Вишнёво-шоколадный волос спадал каскадом на округлые плечи. Томное ожидание затаилось в изгибе больших чувственных губ. А эти глаза с поволокой! Только очень проникательный мужчина мог разглядеть за густым налётом сексапильности пятидесятилетнюю женщину.

– Здравствуй, красивая хищница, рад тебя видеть, – искренне улыбнулся Бероев. – Как успехи сегодня?

– Сегодня я – сама слабость и покорность, склонившая голову перед мужчиной-орлом.

И пока он искал слова, продолжила с лукавым вызовом:

– Вообще-то, Аслан Давидович, я приглашаю Вас на медленный танец.

Профессор обратил внимание, что действительно играет саксофон, и поспешно взял Виолетту за руку. Наверное, его всё-таки тянуло к ней. Бероев знал, что она второй раз замужем, что от первого брака у неё великовозрастный сын. Но это не вызывало беспокойства. Скорее всего, муж тоже сейчас танцует где-нибудь в другом центре счастья. Такие свободные отношения уже давно считались в обществе нормой. А самого профессора дома никто не ждал. Так случилось, что несмотря на обилие женского внимания в молодые и зрелые годы, его сердце с юных лет было по-настоящему предано единственной возлюбленной – науке. Несколько раз на выездных семинарах они с Виолеттой были близки и даже на какое-то мгновение счастливы, однако расставались всегда легко и непринуждённо. Сейчас она склонила голову ему на плечо, впиваясь коготками в лопатку, откликаясь всем своим горячим телом на каждое движение, и Аслан Давидович поверил, что в кружении с этой женщиной, готовой к любви, растворяется ставшее уже привычным одиночество.

Музыка кончилась, и Бероев, не желая выпускать её из рук, неожиданно для себя спросил:

– Знаешь что, Виолетта, давай махнём с тобой в горы. Хотя бы на несколько дней!

Она рассмеялась до слёз, как смеются женщины над глупыми словами зацепившегося на крючок мужчины, и, слегка выпятив нижнюю губу, ответила:

– Нет, Аслан, дорогой, в горы мне поздновато, да и холодно там, неудобно. Хочу на море. Чтобы песочный пляжик под пальмами, шезлонг, лёгкий прибой, манго, сок от которого, когда его кусаешь, капает прямо на грудь.

Дальше она ещё что-то говорила за столиком, разливаясь колокольчиком, предлагала заказать по фужеру коктейля «Желание» на гормональной

основе, но Бероев уже не слушал. Всё выглядело слишком фальшиво. Его не смущала натянутая, как мячик, кожа на лице, искусственный коллаген в пикантных местах почти идеальной фигуры, выращенные белоснежные зубы и наращённые волосы. Но он знал, как это будет: разбухшая принятым тестостероном мужская сила, сперва упругие, затем внезапно податливые губы, шёлковая поверхность живота, жёсткие до боли объятия, напряжённые ягодицы... А потом сразу, стремительно – пустота. Нет тут самого главного. И не может быть.

Бероев резко встал, собираясь уходить.

– Коктейль «Желание» как-нибудь в другой раз. А сейчас мне пора.

По лицу Виолетты пробежала судорога увядания, обнажившая возраст.

– Аслан, не уходи, прошу. Мне страшно. Я, кажется, старею.

«Вот она – правда», – подумал Бероев и смягчился:

– Ты тут не причём, Виолетта, всё дело в жареной баранине.

Профессор предчувствовал, что не стоило туда идти. Конечно, там можно было найти что угодно. Он нашёл свои горы. Ослепительные пики, разрезающие небо. Блестящие скалы, местами покрытые первой накипью жизни. Пёстрое, цветущее разнотравье рядом со снегом, изогнутые низкорослые деревья, оторвавшиеся от своих собратьев в долине. Хрустальные брызги ревающего потока, в котором немеют пальцы. Грохот камнепадов, порывы ледяного ветра с неприступных перевалов... И мучительно стремящееся появиться в душе ощущение счастья.

Теперь, глядя на зашарканное место в полу, на взгорячённых, радостных людей, вышедших по нему с сеанса виртуальной реальности, Бероев был чрезвычайно растерян, как эквилибрист, почувствовавший, что правильно выстроенная основа ускользает из-под ног. «Недорождённое бытие»¹, – вспомнились ему давно прочитанные слова. Может, оно и составляет основную часть нашей в принципе недорождённой жизни? Какое сознание определит такое бытие!? И разве способен человек, который руководствуется таким искажённым сознанием, допустить существование чего-то, что не укладывается в него, чего-то действительно настоящего?

На третьем подземном ярусе, куда в раздумье направился профессор, находились менее востребованные услуги. Здесь людей было немного. Войдя в пустую с голыми стенами религиозную комнату, Бероев замешкался, не зная какую конфессию выбрать. Он не был верующим человеком и пришёл сюда, чтобы услышать хоть какой-нибудь ответ на возникшие вопросы. После минутного колебания набрал на дисплее

---

¹ С. С. Хоружий определяет виртуальность как «недорождённое бытие» (прим. автора)

«Православие». Раздался колокольный звон, стены комнаты поплыли, вспыхнули свечи, и профессор оказался в виртуальной часовне. Перед ним появился священник в полном облачении со строгим внимательным взглядом: «Что привело тебя ко мне, раб божий?» Бероева перекосило. «Зачем здесь-то фокусы! Неужели нельзя обойтись без всей этой бутафории!», – выкрикнул он в лицо несуществующему служителю несуществующего храма и нажал отмену. «Хотя бы одно слово! – внутренне взмолился Аслан Давидович. – Почему нужно до всего доходить самому? Почему все вокруг довольны? Неужели я один не вижу истины?» И вдруг его осенило: «Если ты в меньшинстве – и даже в единственном числе, – это не значит, что ты безумен. Есть правда и есть неправда, и, если ты держишься правды, пусть наперекор всему свету, ты не безумен»¹.

Люди с удивлением оглядывались на быстро шагающего, озабоченного, наверное, единственного хмурого в центре счастья человека. Он почти бежал мимо нескончаемых торговых рядов, бутиков, ресторанов, кальянных салонов, где всюду дымился новейший заменитель лёгкого наркотика, массажных кабинетов, комнат уединения и прочих радостей жизни. «Видимо, что-то стряслось у бедолаги», – думали некоторые из посетителей, но тут же мысль их переключалась на поиски очередной дозы удовольствия. Наконец, непонятный персонаж свернул к витрине книжного магазина, оформленного красочными картинками из аниме.

– Есть у Вас Оруэлл, – спросил Бероев седого незаметного старичка с беспокойно бегающими пальцами.

– Нет, конечно, – вздохнул продавец, – исчез лет двадцать назад.

– А если под заказ?

– Издательства не берут такие заказы.

– Неужели ничего нельзя сделать?

Продавец пожал плечами:

– Не могу даже предложить Вам платную ссылку в Интернете. Понимаете, тот, кто решится продавать классику за пределами школьной программы, должен платить огромные налоги, как с алкоголя. Не окупается. В том числе поэтому, сегодня девяносто процентов книжных фондов – детективы, мыльные оперы, фэнтези, хоррор, комиксы.

Ответ на первый вопрос, к сожалению, был получен.

– А как насчёт картографической продукции?

– Этого много. На любой вкус, любого масштаба, ну, понятно, что малонаселённые районы показаны обзорно.

С трудом сдерживая волнение, Аслан Давидович открыл указатель подробного атласа Евразии. Там были обозначены Ахтарск, Чеменгинский

---

¹ Д. Оруэлл «1984».

перевал, Демьянова пустынь. Бероев мог поклясться чем угодно, что до сегодняшнего дня он этих названий никогда не видел.

Теперь, чтобы исключить ошибку, нужно было проверить последнюю догадку. Ведь, как ни крути, а от осинки действительно не родятся апельсинки.

Светлые майские дни незаметно превращались в настоящее тёплое лето. В парках и скверах, на газонах вдоль тротуаров, во дворах и закоулках набирала силу свежая, обильно политая солнцем трава. Местами она пробивалась даже сквозь вспученный наноасфальт, заявляя полное пренебрежение техническому прогрессу. Вездесущий одуванчик находил любой сантиметр земли, любую щель, чтобы укорениться, вывести наружу свои жёлтые головки и покрыться одетыми белыми пушинками семенами. В каждом из которых нечто отличное от других, неповторимое. Повсюду бегали неизвестно откуда взявшиеся коты, желая внести свою лепту в генетическое разнообразие земной фауны. При взгляде на их внимательные, ищущие физиономии не оставалось сомнений, почему кошки рождаются так скоро. Деревья удивительно быстро покрылись мощной, сочно-зелёной, не успевшей запылиться стеной листвы с миллиардами крохотных лабораторий, где создавались необходимые вещества для пока ещё незаметной, только что завязавшейся после оплодотворения новой жизни. А в буйных сплетениях крон галдели, копошились и пели, призывая свою вторую половину, птицы.

В класс залетела желтогрудая птаха. Аверина оторвалась от стопки школьных тетрадей. «Вот и добрая весточка, – улыбнулась она. – Если бы ты знала, синичка, как она мне сейчас нужна». Однако случайно оказавшаяся в незнакомом месте пичуга явно не собиралась общаться. Она попыталась нырнуть назад на улицу, в зелёный шатёр деревьев, но заскользив по непроницаемой прозрачной поверхности, поняла, что попала в ловушку, в испуге взлетела на шкаф, закружила, заметалась, нарезая круги по кабинету, внезапно со всего размаху врезалась в стекло и упала замертво. У Авериной похолодело внутри. Взяв тонкими дрожащими ладонями безжизненно обмякшее тельце, она прижала его к груди, приговаривая: «Милая птаха, не умирай. Не покидай меня в такой солнечный день. Тебе ещё жить да жить. Ведь ещё только начало лета». Она и сама в этот момент была похожа на раненую птичку: востроносая, худенькая (из объёмного только густые вьющиеся волосы), печально опущенные плечи, влажная плёнка на затуманенных золотисто-карих глазах. Вдруг синица дёрнула клювом, зашевелилась, затрепыхалась, взмахнула крыльями и выскочила с раскрытых рук учительницы в распахнутое окно. Нежданная гостья упорхнула, а растущая с каждым днём тревога осталась. «Как бы мне

хотелось улететь вслед за тобой, – вздохнула Аверина, – но, увы, остаётся только ждать».

Казалось, заиграли фанфары. У Авериной всегда было такое чувство, когда входила соседка по кабинету. В самом деле, статной, дородной, спокойно-пренебрежительной Басовой не хватало только короны на голове.

– Любаны, надеюсь, у тебя кофе остался?– загремела она и, не дожидаясь ответа, продолжила:

– Почему такая хмурая? Каникулы на носу. Расслабься. Куда в отпуск собираешься?

– Да как-то не думала ещё, пока вся в работе.

– Вечно ты в работе. А мы с подругой расфасуем своих оборотов по загородным лагерям и рванём на турецкий берег. Кстати, что за маскарад был у тебя возле дверей на последнем уроке.

– Ребята показывали сцены из Шекспира. Молодцы, постарались. Прошло на ура.

Басова усмехнулась:

– Оно тебе надо? У нас лишний выпендрёж не оплачивается. К тому же в очередной раз по шее получишь за самодеятельность. Или Шекспир опять в программе?

– Причём тут программа, – возразила Аверина. Дело не в ней, а в детях. Да и сама я не могу по-другому. Такой уж я, видимо, учитель.

– Аниматор, – подчёркнуто мягко поправила Басова. Все мы теперь неизвестно кто по новому закону об образовании. И вообще у нас концепция развлекательной педагогики. Сегодня ты уже двойку ребёнку не поставишь. Скоро и тройку ликвидируют как оценку.

Отсыпая кофе в стакан, она продолжила с усмешкой:

– Я первого июня избушку на клюшку, ключ на вахту, телефон отключаю и, как говорится, досвидос, только меня и видели. Тебе тоже советую здоровья набраться. А то скучно выглядишь, ни мясная, ни молочная. Непонятно, в чём душа держится.

– Всё-таки держится же, – улыбнулась Аверина.

– Ну, в этом невелика заслуга. Лучше вот летом отдохни, окрепни, да давай ребёнка рожай. Чего тянешь? Тридцать пять ведь уже.

– Да разве же я против, – дрогнув, ответила Аверина и переменялась в лице.

Басова посмотрела на неё с прищуром и, помедлив, сказала серьёзно.

– Если генетики рубят, то не бейся головой об стену, бесполезно. Лучше прогуляйся по центрам счастья одна, без Сергея, познакомься с приличным, умным мужчиной...

– Спасибо за заботу, – холодно отрезала Аверина, – но у меня есть муж.

– Ладно, извини, Люба, видимо, каждому своё, – вздохнула Басова.
– Спасибо за кофе.

И обернувшись у двери, добавила:

– Ты как будто с другой планеты. Порой мне кажется, что я люблю тебя, Аверина.

Внеурочные занятия отменили из-за прививок. С тяжёлым чувством выходила востроносая учительница из школы. Действительно, куда тянуть? Поначалу врачи вообще сомневались, что она сможет забеременеть, потом отказ, вердикт: генетический брак... Хотя, по сути, дикость – говорить о возможном ребёнке брак, если он физически полноценен! А теперь сосущее под ложечкой ожидание и опущенные глаза самого дорогого человека. Впрочем, попыталась успокоить себя Аверина, людям бывает и много хуже. У меня есть Сергей, опять же любимая работа, а некоторые в полном одиночестве доживают свой век. Может быть, даже вон тот склонивший голову старик на скамейке возле школьной калитки.

Тоска Бероева становилась невыносимой. Временами ему хотелось выть. Неужели вся его жизнь, полная труда и честолюбивых надежд, оказалась бессмыслицей? Похоже, он с самого начала, с юности, не понял главного. Почему он решил, что если удалось внести коррективы в тело человека, то можно так же успешно разобраться со всей его сущностью? Он замахнулся на вещи, посильные только богу, а к чему пришёл в итоге? Ещё вопрос, получится ли у него что-нибудь сделать против своих же разработок, используемых безликой машиной. Однако вдруг его взгляд не случайно зацепился за S-245 и весь предыдущий путь был только подготовкой к настоящему, большому событию. Вдруг спасение этого ребёнка и будет главным делом его жизни? «А не кажется ли тебе, что твои сомнительные выводы – вздор и плод старческой фантазии? – говорил ему привычный голос чистого разума. – Сколько самых разных исследований ты провёл, но так и не увидел основу гениальности. И поэтому, не зная, как выйти из тупика, цепляешься теперь за какую-то аниматоршу с заштатным техником». Движимый такими противоречивыми мыслями Бероев добрался до школы на западной окраине, узнал на входе, что у Авериной по расписанию ещё два урока, решил подождать на улице и, не прекращая раздумий, уселся на лавочку. Вообще-то личная встреча с хозяйкой эмбриона и даже с его родственниками являлась грубым нарушением генетической этики. Такие контакты строжайше запрещались, чтобы исключить возможность эмоционального воздействия на принимающего решение учёного, а также вероятность сговора. Однако на самом деле выбора уже не было, смещение уже произошло.

– Добрый день, – услышал он от незнакомки, поразившей его, прежде всего, своим удивительным голосом с какой-то, наверное, врождённой ноткой нежности.

Профессор не смог бы объяснить почему, но ему сразу стало понятно, что эта стройная невысокая женщина в белой блузке, похожая на хрупкий полевой цветок, и есть она.

– Здравствуйте, – улыбнулся Бероев в ответ на приветствие. – Вы, скорее всего, учительница?

– Неужели так заметно? – усмехнулась она. – Да, перед Вами инженер человеческих душ. По крайней мере, мне хочется в это верить.

– Тогда, выходит, мы коллеги. Я тоже своего рода инженер, то есть... доктор. И тоже до недавнего времени верил, что могу влиять на человеческую природу.

– Мне показалось, что Вы сильно расстроены и, возможно, одиноки. А пришли сюда, потому что мучительно ищете какой-то выход.

Улыбка сошла с лица профессора:

– Как Вы это делаете?

– Не знаю. Просто чувствую. Что ж, коллега, давайте познакомимся. Меня зовут Любовь Николаевна. Можно просто Люба.

– Аслан Давидович, – кивнул профессор и пожал протянутую к нему маленькую руку.

В тёплых янтарных глазах не было вопроса, но внутри у Бероева что-то дрогнуло, двинулось, набирая ход, и профессора неудержимо потянуло рассказать ей все.

– Действительно, Люба, Вы правы. Мои сомнения должны найти выход. Необходимо окончательно определиться. Я с молодости верил в себя, в свой разум и волю. Учился, работал, как проклятый, думая только о том, чтобы помочь людям. Наивный, я действительно считал, что помогаю им. Я был глух к развлечениям. Меня сместила сама возможность семейной идиллии. Как средневековый мастер, годами выковывал я свой шедевр, способный раз и навсегда сделать человека счастливым, и, увидев изъян, с лёгкостью уничтожил его. Вся моя жизнь без остатка проходила в борьбе с неподатливым металлом науки, в преодолении сопротивления мнимых соратников, у которых успехи собрата по профессии вызывали только жгучую зависть, в падениях к их нескрываемой радости, в преодолении себя и новых взлётах. Я многого добился, стал профессором, кто-то считает меня научной величиной, кто-то до сих пор ненавидит. И вот сейчас в моей голове, кажется, наступает прозрение, как у алхимика, который понял, что философского камня не существует, что все усилия напрасны и что пустая порода в принципе не может превратиться в золото! А годы ушли. Я даже не замечал, как весна сменяет зиму, осень – лето.

Поразительно, но я, родившийся в горах, в самом сердце природы, ходивший в детстве босиком по траве, совсем забыл за своими расчётами и экспериментами, как выглядит настоящая природа. В ярком свете чуда урбанизации не увидишь звёзд. И Вы правы, Люба, сегодня я здесь, чтобы...

К горлу профессора подкатил комок.

– Аслан Давидович, не надо. Вам больно. Расскажите в следующий раз.

– Вообще, – улыбнулась Люба, – иногда лучше просто молча понять друг друга. А вот звёзды Вам нужно увидеть именно сегодня. Мы с Сергеем как раз сейчас собираемся за город. Не откажетесь поехать с нами?

Через минуту они уже беседовали как старые друзья. Ярко светило солнце, трезвонили птицы, что-то кричали, смеясь, пробегающие мимо дети, и Бероев не переставал удивляться: «Какая же всё-таки редкая ценность – простое человеческое общение». Поглощённый этим общением, профессор не мог заметить, что за ним следили.

Когда машина свернула на грунтовку между деревьев, Люба восторженно захлопала в ладоши:

– Наше любимое место! Сережа нашёл два года назад. Спасибо тебе, милый.

И она осторожно, даже трепетно, погладила его по плечу.

– Не отвлекайте водителя, Любовь Николаевна, – шутливо сдвинул брови длинноволосый мужчина лет сорока с круглым добродушно-открытым лицом, – а то потеряю контроль, и тогда, боюсь, даже Аслан Давидович не поможет.

– Слушаю и повинуюсь, Сергей Валерьевич, – сложила ладони Аверина. – Видите, доктор, какой он у меня строгий?

– Настоящий деспот-интеллигент, затиранивший слабую женщину, – подхватил Бероев.

– Слышите, что о Вас умные люди говорят. Скорее уже везите нас, деспот, в райский уголок.

– Так точно, радость моя.

Место было и впрямь замечательное. Чудесная зелёная поляна, увитая оранжевыми лентами огоньков, примыкала к небольшой прозрачной речке, в излучине которой ровным нетронутым слоем лежал мелкий жёлтый песок. Стройные ряды молодых дубов, покрытых блестящими на солнце изумрудными латами, обступали с трёх сторон спрятанное от посторонних глаз луговое пространство. На другом берегу почтительно склонили над водой свои серебристые головы ивы. За ними, на взгорье, как вечные стражи, сторожили покой маленькой замкнутой вселенной мощные рыжебородые сосны.

На правах гостя Бероев был освобождён от обязанностей по лагерю и потому бессовестно наслаждался вечерним солнышком, вытянув босые ноги. Он смотрел на плавный отливающий золотом изгиб реки, на весёлый костёр и ловко управляющегося с топором Сергея, на Любу, которая с улыбкой чистила только что пойманную им рыбу, видел, как они понимают друг друга с первого взгляда и думал: «А ведь, в самом деле, как мало человеку надо, чтобы почувствовать себя счастливым. Как легко можно обойтись без всякой генной инженерии, без всех этих удобных устройств, которыми окольцевали нас и фактически отняли свободу, без чудовищно разросшейся индустрии удовольствий».

– Вам бы, ребята, жить в каком-то другом мире – простом и настоящем. Только где ж его найти? – вздохнул профессор.

Бероев специально провоцировал своих новых друзей. За ни к чему не обязывающей репликой скрывалось сильное желание выйти на волнующую его тему.

– Может быть, Архаика? – задумчиво проговорил Сергей.

– Разве она существует? Красивая сказка.

– Я тоже раньше так считал. Думал, что она вымысел, миф, наподобие Шамбалы или Белогорья, только более современный и правдоподобный. Однако уже само существование этого будто бы мифа доказывает, что не всем людям по душе та жизнь, которую мы ведём сегодня. Значит, есть самое главное – основа для Архаики.

– Почему тогда нет никаких сколь-нибудь достоверных сведений: что она из себя представляет, в каком районе Земли находится? – вёл свою линию профессор.

– Простите, но Вы меня удивляете, доктор, – загорелся Сергей. – Много ли мы вообще видим правдивой информации? Где она – независимая журналистика? Где заставляющие человека думать телепрограммы, умные современные книги? Где, наконец, можно купить обычную классику? Почему гуманитарные, да и естественнонаучные дисциплины в школе методично режут и выхолащивают? И также методично, используя колоссальные возможности СМИ, пропагандируют нам мир дешёвых ценностей, дешёвых удовольствий? Причём всячески стараются облегчить доступ к ним обывателя. Вы скажете, что я говорю банально. Но почему, объясните мне, такие вопросы стали банальностью? До недавнего времени власть ещё мирилась с тающей прослойкой независимо мыслящих людей, однако, увидев, что эта самая прослойка вопреки всем законам логики не размывается до конца, решила более жёстко отсекал неугодные отклонения от нормы. Сейчас наступило поворотное время, время тихих перемен. Мы все давно под колпаком. Просто ты никому не

нужен, когда идёшь в ногу с большинством. Но не дай бог тебе выбиться из общей массы! А Вы говорите, – достоверные сведения...

– Однако, если Архаика существует, как её до сих пор не нашли и не уничтожили, учитывая возможности современных систем слежения и высокоточной лазерной техники? – снова возразил Бероев.

– Я тоже много размышлял об этом. Объяснение может быть только одно – Архаика серьёзно превосходит нас. И в первую очередь – в работе с информацией. Вероятно, там уже научились считывать её с нашего мозга даже на расстоянии. Конечно, не полностью, все глубины человеческого сознания вряд ли будут кому-то подвластны кроме высшего разума. Значит, вполне осуществимо и обратное действие – послание мыслеформ, хотя бы в виде образов, нужному человеку. В основе таких информационных потоков лежит явление, предсказанное ещё на заре двадцатого века – торсионные поля¹. Понимаете, всё ещё надо проверить, но я, кажется, нашёл математическое доказательство их реальности.

Сергей схватил прут и с жаром начал что-то объяснять, покрывая песок формулами, в которых профессор генетики мало что понимал. Возникло ощущение, что перед Авериным не рыхлая, испещрённая знаками поверхность, а невидимое измерение, которое поглотило его с головой. Вдруг он словно вынырнул назад и, смахнув пот со лба, подытожил:

– Если всё правильно, то лучшая реальность имеет место быть. И она сама отбирает нужных ей людей. Разумеется, о нас там и понятия не имеют, мы не представляем для Архаики никакого интереса, но вот талантливые учёные... В последнее время в СМИ о них ничего не слышно. Может, они в большинстве своем уже на том берегу?

Профессор глядел на техника из колледжа ошеломлёнными глазами. Точно такие же мысли пришли к нему вчера в книжном магазине.

– Однако где Вы учились?

– Сергей закончил специализированную математическую школу, затем ведущий столичный университет, потом учился в аспирантуре, – ответила за мужа Люба. – У него, сами видите, особенная голова. Это из-за меня, из-за моих проблем со здоровьем он ушёл из науки. Читает компьютеры, оргтехнику, после работы платно консультирует студентов. На жизнь хватает.

– Если хотите знать моё мнение, – встала рядом с супругом Люба, – я тоже верю в Архаику. Люди во все времена стремились к чему-то,

---

¹ Торсионные поля — термин, первоначально введённый математиком Эли Картаном в 1922 году для обозначения гипотетического физического поля, порождаемого кручением пространства.

что является лишним с позиций чистого материализма. Добро, нравственность, альтруизм, совесть – зачем они там, где важна только победа в борьбе за ресурсы, где царит вечная конкуренция? Я думаю, что в основе мироздания нечто высокое, светлое, такое, чего мы никогда не сможем объяснить, несмотря на весь наш технический прогресс. Мне кажется, цивилизация без этого созидющего начала, основанная только на эгоизме и гедонистических устремлениях, не может существовать. Должен быть противовес. Если есть тьма, должен быть свет. И я чувствую, что во времена тихих перемен этот свет в Архаике.

Повисла пауза. Профессор не мог найти слов. Наконец, он спросил с грустью:

– Что же, ребята, вы делаете на своей богом забытой окраине?

– Мне порой кажется, что всё закономерно, – вздохнула Люба. – Каждый поначалу считает себя хозяином своей судьбы, но, в конечном счёте, оказывается именно в том месте, куда людей, подобных ему, определило общество.

Они сидели у огня, ели пропахшую дымом уху, пили душистый травяной чай, читали стихи, пели давно забытые песни и смотрели на ставшие удивительно близкими звёзды.

Когда по тёмно-синему бархату чиркнул, сгорая, посланец далёких миров – метеор, Люба сжала кулачок и, взглянув прямо в глаза Бероеву, спросила:

– Аслан Давидович, скажите, у меня будет мальчик или девочка?

– Как Вы догадались? – прохрипел профессор.

– Ну, это как раз совсем нетрудно, некоторые вещи поймёт каждое материнское сердце.

– У Вас, Люба, родится сын. И я помогу Вам, не будь я Бероев! Однако... готовы ли Вы в случае чего бросить работу, дом, родных, друзей и уехать в неизвестность.

Люба выразительно посмотрела на мужа.

– Для нашего сына мы сделаем всё, – ответил Сергей.

С этого момента судьба всех четверых была предрешена.

На дорогой штукатурке широкого коридора, по которому шёл профессор, висели портреты и фотографии. Корифеи генетической науки, начиная с самого Менделя, взирали на него с молчаливым вниманием. С кем-то из них он в былые годы общался, спорил и даже дружил. Немногие из висевших на стене, подобно ему, доживали свой век как учёные. Остановившись у рамки с подписью «Бероев Аслан Давидович, доктор наук, профессор, почётный член академии наук», он взгляделся в энергичное, целеустремлённое лицо и обратился к своей более молодой копии:

– Ну что, Аслан Давидович, последний бой. Как говорится, «нет, милый мой Агафон, ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом дело нехитрое»¹.

И Бероев решительно направился в кабинет главного.

За огромным т-образным столом из красного дерева, обрамлённым двумя рядами массивных резных стульев ручной работы, сидел крупный, коротко стриженный человек, который любому входящему сразу внушал уважение. В каждом его движении чувствовалась основательность и уверенность, а прямой немигающий взгляд пронизывал собеседника насквозь. Профессор ценил Гамова за умение быстро ухватить в деле самую суть проблемы и, определив правильное направление, обозначить последовательные шаги по её решению. Распоряжения его были коротки и чрезвычайно конкретны. Вообще, именно Гамов поставил дело так, что все работали не на страх, а на совесть, чувствуя себя единым целым. Долгие годы он руководил Восточно-Европейской корпорацией генетиков и, хотя не блистал как учёный, был блестящим организатором.

– Присаживайтесь, Аслан Давидович, – доброжелательно сказал Гамов, жестом показывая на стул рядом с собой. – Что привело Вас ко мне? Если Вы пришли без согласования, в неприёмный час, значит, вопрос серьёзный.

– Вы проницательны, Владлен Геннадьевич, вопрос, действительно, архиважный. Мне наконец удалось найти геном с гениальностью. Однако я понял это уже после того, как на основе генетического анализа элементов крови он был по ошибке внесён в программу уничтожения.

На лице Гамова не отразилось никаких эмоций.

– Программных сбоев не было? – спросил он абсолютно спокойно.

– Нет. Исключено.

– Кто осуществлял контрольную проверку?

– Тимур Бероев.

– И, как я понимаю, Вы вносили данные в программу ликвидации.

– Я вносил, Владлен Геннадьевич. Однако теперь не сомневаюсь, что совершил чудовищную ошибку. Необходимо её срочно исправить.

– Каким образом? Вы же знаете, что процедура ограничения рождаемости определена законом и очень жёстко контролируется. Решение каждого предыдущего этапа может быть отменено только на последующем этапе.

– Но у Вас же имеются полномочия входить в сервер при чрезвычайной ситуации.

---

¹ Платон «Пир»

– Имеются. Только я не вижу чрезвычайной ситуации.

– Почему? Ведь на кону судьбоносное для науки открытие.

– Ну, хотя бы потому, что есть ещё возможность внести коррективы в списки генетического брака через три дня на Большом совете.

– Да, пожалуй, Вы правы, – задумчиво сказал профессор. – Может, оно и к лучшему. Значит, мне надо выступить на совете. И всё же...

– Выступить, конечно, можно, – перебил Гамов, – только люди в Вашем возрасте стараются не сомневаться в ценности своих же достижений. Получается, что признанные всем учёным сообществом критерии Бероева относят гениальный геном к интеллектуальной посредственности, недостойной появиться на свет? Зачем Вам это нужно?

– Затем, что я учёный, и мне, прежде всего, дорога истина. Если этот ребёнок родится и подтвердится его гениальность, а я уверен, что она подтвердится, можно будет провести полномасштабное комплексное научное исследование, где будут задействованы и генетика, и нейрофизиология, и психология с социологией, и другие науки. Представляете, какой шаг мы сделаем на пути улучшения человеческой расы!

– Ну и в принципе, – добавил он, – по какому праву мы должны лишить жизни полноценного человека?

– Допустим, Вы говорите правду, – сказал Гамов, игнорируя вопрос. – Однако Ваше предполагаемое исследование – всё-таки дело будущего. А что мы сейчас скажем правительству, которое считает нашу отрасль одним из оснований социальной стабильности и потому щедро нас финансирует, и даже предоставило нашим сотрудникам особый статус? Ошибка?

– Правительство должно понять. Все ошибаются на пути к истине.

– А как воспримут такую истину те семьи, которых мы лишили детей? Извините, наши методы были ошибочны!?

Бероев не знал, что ответить этому каменному человеку.

После мучительной паузы, во время которой главный нестерпимо давил его холодным блеском стеклянных глаз, профессор поднялся и спросил упрямо:

– Я полагаю, у меня есть право выступить на Большом совете по данному вопросу?

– Конечно, оно у Вас есть, – спокойно ответил Гамов.

– Тогда прошу дать мне возможность сказать своё слово первым.

Дверь за профессором захлопнулась. Директор Восточно-Европейской корпорации, подумав пару минут, набрал телефон внутренней связи.

На улице бушевала первая в этом году гроза. Аверина дышала полной грудью у распахнутого окна. Свежий, пропитанный ароматом

цветущих яблонь воздух с порывами ветра врывается в комнату. Шквал воды загнал в укрытия даже вездесущее кошачье племя. Стайка застигнутых врасплох, облитых воробьёв, оживлённо чирикают, жалась под карнизом. Из водосточных труб, с железных оконных отливов, с похожих на сырую губку балконов ручьями струилась чистая вода. На тротуарах и по краю проезжей части она собиралась в мощные потоки, которые быстро смывали скопившуюся за год грязь. Долгожданная влага жадно впитывалась пробудившейся после недельной жары землёй, готовой разродиться новой порцией жизни.

В дверь позвонили. «Сергей ушел с работы пораньше, попал под дождь, теперь, наверное, весь мокрый», – обрадовалась Аверина и побежала открывать. На пороге стоял розовощёкий мужчина с раскосыми глазами и небольшой покрытой мелкими каплями бородкой. Аверина недоумённо смотрела на незнакомца, думая, что он, видимо, ошибся адресом, но когда увидела в его руках медицинский чемоданчик, сердце её бешено забилося.

– Что Вам угодно? – зло спросила она. – Я буду разговаривать только с Асланом Давидовичем!

– Да вы не беспокойтесь, – расплылся в улыбке мужчина. – Я как раз от него. Профессор не смог сам прийти. У него сейчас чрезвычайно напряжённые дни и бессонные ночи: подготовка к конференции. Вот кстати моё удостоверение – Тимур Бероев.

– Так Вы с ним... Проходите, конечно. Что же мы стоим на пороге.

– Вы правильно поняли. Я его племянник.

И осторожно взяв её за плечи, он продолжил:

– Поздравляю Вас, Любовь Николаевна, с положительным решением. Хочу пожелать здоровья Вам и Вашему будущему сыну.

Слёзы хлынули из глаз Авериной. «Простите, пожалуйста», – всхлипывала она, размазывая их по лицу, пытаясь успокоиться. Когда ей это всё-таки удалось, Тимур сказал:

– По правилам мне следовало бы ещё раз взять у вас контрольный анализ крови, однако, я думаю, не стоит заниматься пустыми формальностями.

Собираясь уходить, он вдруг вспомнил:

– Кстати, наша кафедра сотрудничает с Центром «Милосердие», помогающим больным детям. Да-да, есть ещё крайне редкие скрытые мутации, которые могут проявиться только через несколько лет после рождения. Он достал напечатанную на принтере фотографию страдающего ребёнка. Вот наша сегодняшняя боль – Миша Иванов. Если срочно не сделать операцию, он умрёт. Перечислите, сколько сможете, на указанный внизу счёт. Мы с коллегами скинулись по пять тысяч.

Аверина взяла в руки фотографию:

– Обязательно. Как же я могу не помочь ему. Тем более что моему мальчику сейчас подарили жизнь.

Выйдя из подъезда, Тимурчик некоторое время медленно, в растерянности шёл по улице. Он никак не мог отделаться от проводившего его взгляда благодарных янтарных глаз. Но постепенно мысли старшего научного сотрудника пришли в порядок, лицо приняло решительное выражение, он заметил, что весь промок и зашагал быстрее.

Профессор одним из последних вошёл в похожий на античный театр зал. На обитых натуральным каучуком и светлой кожей сиденьях дружными рядами расположились люди в костюмах стального цвета. Сообщество генетиков, конечно, не вводило униформу, но серебристо-серая одежда в последние годы стала своего рода традицией, как бы привилегией членов Большого совета. Внизу на полукруглой каменной арене ожидала своего оратора трибуна, выполненная в виде золотой спирали молекулы ДНК, поддерживающей раскрытую книгу. За ней возвышался массивный стол президиума из морёного дуба. Здесь уже расположилось руководство корпорации во главе с Гамовым. Над их головами на беломраморной стене крупными буквами был вырезан девиз *Per aspera ad astra*¹. «Пожалуй, сегодня будет именно так», – подумал Бероев, взглянув на надпись, и занял своё привычное место.

Тимурчик не обманывал Любу, когда говорил, что у профессора очень напряжённые дни. Аслан Давидович действительно работал трое суток напролёт, чувствуя вдохновение творца, используя запечатлённую в памяти картину гениальности. Всё сошлось у него в мозгу. Его доклад был конкретный и жёсткий. Именно сегодня он должен показать учёному миру, что в своих попытках определить генетическую формулу таланта они двигались в неверном направлении. Именно сейчас обязан задать вопросы, которые поставят под сомнение некоторые постулаты науки. И сегодня впервые его работа спасёт жизнь будущего человека, а, может быть, и не одного.

Занятый такими размышлениями, профессор не слушал обычное приветственное слово директора. Он даже не обратил внимания, что в озвученном Гамовым регламенте изменился порядок выступлений, а его фамилия исключена из числа докладчиков. Бероев опомнился только в тот момент, когда услышал:

– Прежде чем приступить к основным докладам, голосуем по списку генетического брака за предыдущий месяц. Кто за то, чтобы

---

¹ Через тернии к звёздам (*лат.*)

уничтожить неполноценные эмбрионы без исключений, прошу поднять руки.

– Стойте! – закричал Бероев, сбегая по проходу к трибуне. У меня есть исключение, и я могу доказать необходимость сохранения одного генома!

По залу прокатился гул. Никто не помнил, чтобы по данному вопросу когда-то были возражения. Все воспринимали его как простую, определённую законом формальность. Раздался спокойный голос Гамова:

– Аслан Давидович, Вы нарушаете регламент работы совета.

– Ничего не пойму, – нахмурился Бероев, потрясая бумажкой с программой выступлений. Мой доклад значитесь первым. Мы же лично говорили с Вами об этом.

– Вы действительно объявили мне о своём желании выступить, и я попросил внести Вас в предварительный перечень докладчиков, но от Вас так и не поступило письменной заявки. Вы нарушили правило.

– К чёрту такие правила! – вспыхнул профессор. Перед вами не мальчишка-аспирант, а доктор наук, портрет которого висит на стене в одном ряду с Вавиловым! И если я хочу сказать своё слово, я его скажу! А бумажку можно и после написать.

В зале опять зашумели, пока неожиданно не поднялся, привлекая взор аудитории, один седовласый учёный из старой гвардии:

– Коллеги, послушайте. А что собственно произошло? Конечно, ещё древние говорили *forma est maximus*¹. Но, с другой стороны, хочет выступить наш старый товарищ, труды которого имеют всемирное признание, желает поделиться с нами своими мыслями, так пусть поделится.

Его слова встретили одобрение.

– Конечно, – подхватили некоторые голоса. – Говорите, Аслан Давидович.

Бероев поправил микрофон и весь подобрался, как орёл перед броском на свою жертву. В этот момент Гамов кивнул кому-то в ближних рядах.

– Я исследовал эмбрион S-245 – резко начал профессор, – и пришёл к выводу, что передо мной гениальность. Конечно, я поначалу отнёс эту гениальность к ничтожеству, мимолётом взглянув на уже забракованный геном. И теперь знаю, почему так сделал. Мои глаза были закрыты мощными наростами многолетних стереотипов. Однако внутренний голос заставил меня усомниться. И вот когда я новым, подетски чистым взором посмотрел на свои прежние научные выводы,

---

¹ Форма важна (*лат.*)

когда подверг их беспощадной критике, я убедился, что многие из них неверны. Вообще, мне кажется, что нам, нашему сообществу, следует взять паузу в деле ограничения рождаемости. Мы просто не имеем морального права ставить заслоны для жизни, пока до конца не разберёмся во всём.

В этот момент Бероев остановился, физически почувствовав, как перед ним выросла стена. Он окинул взглядом застывшие в гробовом молчании плотные ряды стальных пиджаков, искажённые внезапной тревогой недоумённые лица и вдруг с необычайной ясностью понял, что совершил непростительную ошибку. Глупец! Ему нужно было спасти одного человека, и тогда у него, вероятно, имелись какие-то шансы, а он замахнулся на святое. На рычаг, владение которым, возможно, и составляет всю сущность нового, чуждого ему поколения сидящих напротив людей, рычаг, который даёт им особый статус в обществе и благосклонность власти. Попытался забрать у них священный жезл, который позволяет им чувствовать себя вершителями судеб.

С первого ряда поднялся невысокий мрачный человек – комиссар по этике. Он обратился к Бероеву медленно, с расстановкой:

– Могу я, Аслан Давидович, задать Вам два вопроса?

И, не дожидаясь ответа, спросил:

– Во-первых, Вы встречались с хозяйкой указанного Вами эмбриона и её мужем?

Профессор мужественно принял удар, который в глубине души не был для него совсем неожиданным.

– Я общался с ними, – хрипло ответил он, – для того чтобы установить истину.

– Однако такое поведение является уже не формальным нарушением, а проявлением пренебрежения к этическим нормам всего нашего сообщества. Теперь следующий вопрос. Если, по Вашим словам, данная встреча помогла установить истину, то чем помогло перечисление на Ваш счёт десяти тысяч от матери, жаждущей ребёнка?

Комиссар повернулся, показывая публике листок со штампом:

– Вот у меня в руках квитанция о переводе, заверенная печатью банка. Потрудитесь объяснить этот факт, господин Бероев!

– Я не знаю. Видимо, здесь какая-то чудовищная провокация, – попытался крикнуть профессор, но его микрофон уже был отключен.

Это означало конец. Во взорвавшемся зале учёный с мировым именем заметил лишь несколько лиц, сочувствующих ему.

Только когда Гамов встал из-за стола и поднял руку, шум начал стихать.

Собрав внимание аудитории в узду, он сказал:

– Аслан Давидович, со всей этой непонятной ситуацией мы обязательно разберёмся, проведём объективное внутреннее расследование, а сейчас попрошу Вас не мешать работе совета.

Затем, обращаясь к серебристо-серым людям, продолжил:

– Итак, кто за то, чтобы ликвидировать неполноценные эмбрионы без исключений, прошу голосовать.

Решение было принято единогласно.

Профессор метался по своей холостяцкой, беспорядочно обставленной квартире не в силах успокоиться. В конце концов, публика, подвергшая его остракизму – далеко не всё общество. Найдётся немало желающих услышать правду об ограничении рождаемости от самого Бероева. Он просто обязан разоблачить весь сотворённый обман, ведь именно его имя сделали знаменем чудовищной по своему цинизму мистификации... Они не посмеют тронуть всемирно известного учёного и не смогут заткнуть ему рот. Но об этом позже. Вначале надо выполнить своё обещание и спасти ребёнка Авериных.

Зазвонил телефон. Аслан Давидович с тревогой посмотрел на незнакомый номер и взял трубку. Во время короткого разговора ноги у Бероева задрожали, и он медленно сполз по стене, на мгновение превратившись из мировой знаменитости в слабого старого человека. Учтивый доброжелательный женский голос сообщил, что его с Авериными давно хотят видеть в Архаике, что дело не терпит отлагательств, и сегодня ночью, ровно в четыре часа им необходимо прибыть в назначенное место за городом. Причём в целях безопасности абсолютно никто не должен знать о том, куда они направляются. С собой обязательно надо взять кольца, для того чтобы снять с них данные. С трудом совладав с волнением, Аслан Давидович выразил согласие и даже попытался изобразить радость, когда задавал уточняющие вопросы. Профессор понял, что по нему с Авериными принято решение и найден оптимальный способ уничтожить их, не оставляя следов. И, кажется, он догадался, какой. Но почему так скоро? Насколько он был наивен! Бороться ему не придётся. Всё же именно сейчас у него нет права ошибку. Зная, как работают спецслужбы, Бероев отдавал себе отчёт, что всем не спастись.

Теперь дорога была каждая минута. Аслан Давидович принялся лихорадочно перебирать в памяти людей, способных помочь ему в настоящий момент. И, странное дело, из всего большого круга друзей и хороших знакомых его мозг в критической ситуации отобрал только одного человека, на которого можно положиться. Правда, они не виделись с ним уже несколько лет, но в данном случае оно и к лучшему. «Только бы найти его», – подумал профессор, снял кольцо, выложил сотовый телефон и вышел из дома. Пройдя два квартала

пешком (пешком разрешали пока ходить без прикосновения жёлтым металлом к инфоприёмнику), он свернул в ворота районной больницы, позвонил в санпропускник и спросил хирурга Гаджиева. Как и предполагал Бероев, тот был вечным поклонником своей работы.

Аслан Давидович ожидал на скамье под липой в больничном саду. Его чувства необычайно обострились. Внимание непроизвольно выхватывало глубокую борозду на тёмной коре высокого стройного дерева, упрямо ползущего по ней муравья, почти облетевшую от цвета ветку соседней яблони, с жалкими остатками бывшего наряда, но от этого ставшую даже милей, усыпанную белыми лепестками дорожку, по которой впору идти жениху с невестой. Он с наслаждением вдыхал горький запах молодых клейких листьев, радовался тёплым весенним лучам, пронизывающим зелёные ветви, любовался молодым побегом, готовым рвануться к солнцу из чуть приоткрывшейся на его верхушке смолистой почки. «Как много простых, но на самом деле очень нужных человеку вещей мы незаметно исключили из своей жизни», – думал Бероев, смахивая непривычные повисшие на ресницах солёные капли.

Аслан Давидович не заметил, как к нему подошел сухой чернявый человек невысокого роста с изрезанными глубокими морщинами лицом.

– Здравствуй, Аслан, дорогой, что с тобой? – спросил старый друг и заключил его в крепкие объятия.

– Мне нужна твоя помощь, Георгий, прямо сейчас. Необходимо срочно отвезти в Сибирь дорогих мне людей, которым грозит опасность.

– У меня назначены операции...

– Пусть на сей раз прооперируют другие. Не откажи мне в моей последней просьбе.

– Всё так серьёзно?

– Более чем.

– Подожди меня минут двадцать. Выслушаю от начальства, да и от жены, что обо мне думают.

– Извини меня, друг.

– Не стоит, Аслан. В моей работе, когда держишь в руках скальпель, а рядом витает та самая, с косой, нельзя без основ. Разве я могу бросить в беде человека, с которым мальчишкой бегал по родным горам?

Когда Бероев поднялся в квартиру Авериных, то неожиданно обнаружил, что они уже подготовились к отъезду.

– Не удивляйтесь, Аслан Давидович, – ответила на немой вопрос Люба. – Мы ждали Вас. Вчера приходил Ваш племянник, Тимур. Я,

признаюсь, была не в себе, мне казалось, мои молитвы услышаны. Лишь сегодня я поняла, что не верю этому человеку. Простите меня.

– Значит, Тимурчик, – зло усмехнулся профессор. – Что ж, я действительно недооценил его. Он всё-таки расширил свою специализацию. Впрочем, теперь уже всё равно... Мне известна дорога в Архаику, машина у подъезда.

– Однако откуда Вы знаете?.. – спросил Сергей.

– Торсионные поля. И больше никаких вопросов, нам надо спешить. В машине есть всё необходимое: еда, лекарства, туристическое снаряжение, подробная карта местности. Георгий довезёт Вас до Ахтарска, дальше пойдёте по тропе через Чемагинский перевал в Демьянову пустынь. Я уверен, там Вас должны встретить. Отдайте мне свои телефоны и кольца.

– Но ведь на кольце можно отключить функцию геолокации, – слабо возразил Сергей.

Бероев посмотрел на него с укоризной:

– Вы сейчас рассуждаете, как рядовой обыватель. Вспомните Ваши недавние слова – мы все давно под колпаком. Так вот, у вас появился шанс выскочить из-под него. И я обещаю, что с сегодняшнего дня Авериных никто никогда искать не будет.

– А как же Вы, Аслан Давидович? – с тревогой спросила Люба.

– Я пока не могу ехать. Увидимся... позже.

Они прощались на площади Учёных. Отсюда профессору было недалеко до дома. По огромной парковке без конца сновали автомобили, временами заглушая сигналами рвущийся из колонок технодэнс. Мимо шли за очередной дозой счастья нескончаемые потоки возбуждённых людей. Ослепляла бегущая по экранам плазменных панелей реклама. Только им ничто не мешало. Они стояли возле машины, понимая друг друга без слов. Наконец профессор крепко обнял каждого и сказал:

– Я прожил большую жизнь, но как-то так случилось, что роднее Вас четверых у меня никого нет.

Некоторое время Бероев шёл медленно. Его никак не могли отпустить золотисто-карие, переполненные грустью глаза. Затем брови его сдвинулись, и он зашагал быстрее.

Через пять часов Аслан Давидович ехал по бесконечным улицам впавшего в предутреннее забытьё мегаполиса. Уже подъезжая к развязке на западной окраине города, он вдруг резко затормозил и вырулил на обочину, чуть не врезавшись в рекламный щит. На старом, местами потрескавшемся баннере была изображена карта, которую Бероев увидел на стене лаборатории в тот памятный вечер, только без надписи «в Архаику». «ООО "Прогресс" набирает специалистов для

строительства автомобильных дорог в горно-таёжных районах Сибири», – прочитал профессор. Неужели эта агитка на необычном фоне когда-то отложилась в подсознании, и его видение представляет собой не судьбоносное послание, а всего лишь сон – «небывалую комбинацию бывалых впечатлений»¹? Бероев схватился за горло и, наверное, потерял бы сознание, но вдруг удивительный голос, с врождённой ноткой нежности, сказал ему: «Должен быть противовес. Если есть тьма, должен быть свет». «Ты права, милая моя девочка», – проговорил Аслан Давидович, глубоко вздохнул и нажал на педаль.

Найти нужный свороток с трассы не составило труда. Подъезжая к зарядной станции для электромобилей, возле которой ему назначили встречу, профессор с удовлетворением отметил, что она не работает. «Значит, никто больше не погибнет», – подумал он, ещё раз посмотрел на лежащие в бардачке три кольца, подающие свой зловещий сигнал, и вышел из машины. Раздался контрольный звонок.

– Аслан Давидович, мы уже подъезжаем. Вы ждёте нас? – уточнила доброжелательная женщина.

– Да, мы на месте.

Взгляд профессора устремился в озарённую бесконечно далёкими огнями вечность. Именно в этой всеобъемлющей глубине создавалась основа для зарождения жизни, и там же сейчас притаилась его смерть. Следивший за ним спутник, наверное, уже настроил свой лазер. Сколько ему осталось? Минута, две?

Ослепительная вспышка разнесла Бероева на атомы.

В хмурый утренний час у панорамных окон стоял плотный, стриженный ежиком человек со здоровым румянцем на щеках. Прошло полгода, как его назначили на место ставшего ещё более знаменитым родственника. По официальной версии Аслан Давидович Бероев трагически погиб в Африке при исследовании генома смертельно опасного вируса. На площади Учёных ему воздвигли замечательный памятник: застывшая в порыве вдохновения фигура, энергичное, целеустремлённое лицо, взгляд, пронизывающий время. Внизу золотыми буквами надпись: «Благодарное человечество своему спасителю. Дело твоё будет жить в веках». Преемника не мучили угрызения совести, ведь профессор, в конце концов, сам сделал свой выбор. Железный Тимур, как теперь называли его коллеги, давно понял веяния времени и внутренне принял их. Действительно, современному обществу не нужны отклонения от нормы. Гениальность, талант, нестандартная мысль для него опасны. Стабильность и процветание основаны на ровном, планомерном движении монолитных масс. Недаром при

---

¹ И.М. Сеченов

назначении перед ним поставили задачу – ужесточить критерии отбора, чтобы раз и навсегда отсечь саму возможность нарушения установленного порядка. Предстоит ещё много работы, но начало уже положено.

Новый Бероев ни в чём не сомневался, он был доволен собой.

Где-то за плотным слоем серой пелены всходило солнце, подтверждая незыблемость неизвестных нам законов мироздания.

Шоколадный заяц

Увертюрой к предстоящим выходным заливался звонок с последнего урока в пятницу. Ученики, измученные мартовским солнцем, нещадно светившим в пыльные окна душных надоевших классов, в радостном возбуждении хлынули по лестницам. Самые «уставшие» перепрыгивали через несколько ступеней, скользили на виражах, цепляясь за перила, подлетали к раздевалкам и, схватив одежду, выбегали на улицу, оглашая крыльцо школы первобытным рёвом. На два дня скинуто было, наконец, тяготившее их всю неделю Ордынское иго.

Чалдонов хмурился, щуря без того чуть раскосые глаза, и трёхдневная чёрная щетина, почти заползшая на его широкие скулы, топорщилась, как иголки у пытящего ежа. Он отпустил детей пораньше, за пять минут до звонка, заранее договорившись с историком не мешкать и, пока не припрягли по какому-нибудь вопросу, свалить побыстрее в чебуречную – отпраздновать окончание рабочей недели. Теперь он стоял недалеко от выхода, в шумной толпе и, сам того не замечая, грыз ногти, ожидая своего соратника, который бессовестно задерживался. Увидев директора, почти бегущего по коридору, и семенившую рядом с ним сухую женщину с подчёркнуто умным выражением лица – завуча по научно-методической работе, Чалдонов инстинктивно пригнулся, втягивая голову в плечи. Но в то же мгновение понял, что его рослую спортивную фигуру не скроешь даже за спинами старшеклассников, да и глупо прятаться, как мальчишке, в тридцать с лишним. И потому, выгнув грудь колесом, стал рассматривать старые объявления на стенде с отстранённым непроницаемым видом.

– Тьфу ты, как нарочно!– выругался про себя Чалдонов, заметив краем глаза, как директор, перестав жестикулировать и что-то говорить изображавшему всецелое внимание завучу, направился к нему.

Вот он уже держал его за рукав пиджака и барабанил по ушам градом слов. Чалдонов смотрел сверху вниз на бегающие под очками заводные с хитринкой глаза шефа, к которым так органично шли его побелевшие в административных боях волосы, и в очередной раз удивлялся, как тот способен запудрить человеку мозги на ровном месте. Из напористого потока слов, которые Чалдонов в большинстве своем, не вникая, отражал в стену напротив, выходило следующее: учителей не хватает, гимназия в опасности, а потому завтра ему надо

будет прийти рано утром на научно-практическую конференцию возглавить жюри в секции по биологии для шестых классов.

– Да я ведь ОБЖ веду! Я в биологии ничего не соображаю, – начал было Чалдонов, приглаживая стриженую макушку.

– Лёша, о чём ты говоришь?! У тебя в дипломе написано: учитель географии и биологии.

– Я не о себе, я о детях волнуюсь. Не так засужу.

– Ты дурака не валяй, Алексей Фёдорович! Как председателем избирательной комиссии, так у тебя всё получается, а тут ты волнуешься, словно мнительная барышня?

Дальше Чалдонов не спорил. Шефа он уважал.

– Смотри же, завтра в восемь. Сам приду проверю.

И вдруг, вспомнив, между прочим сообщил:

– Да, есть для тебя ещё одно хорошее известие. Мне сегодня с администрации звонили. После конференции зайдёшь в мой кабинет, скажу.

Чалдонов открыл было рот, но директор уже бежал к завхозихе, появившейся из-за угла. И только тут, с досадой оглядываясь по сторонам, он заметил ехидный взгляд учителя истории, Саныча, который всё слышал. Саныч и так смахивал на вечно улыбающегося Чеширского кота, а теперь вообще трясся всем телом и фыркал, как кипящий чайник, отчаянно сдерживаясь, чтобы не расхохотаться по-настоящему.

– Ты где пропадаешь, злыдень? – кипятился учитель ОБЖ, выходя за школьную ограду. – У тебя ведь последнего урока не было.

– Я, в отличие от тебя, не могу сразу со звоном покидать гимназию! Стены этого храма знаний не отпускают меня.

– Хорош уже веселиться. Подставил меня, как пацана. Теперь прощай здоровый сон с утра в выходной.

– Да не могу я раньше уйти, – сказал Саныч примирительно, уже без насмешки. Девочка у меня способная из десятого «А». Через неделю на олимпиаду в Москву уезжает. Пришла с вопросами. Не выгонять же её.

– Мужик скоро полтинник, а он всякими глупостями занимается. Девочка, видите ли, у него, когда друг ждёт по серьёзному делу. Вот укатит твоя умная девочка через год в столицу, и много она про тебя вспомнит, старого дурака?

– По пивку или водочки? – добродушно перевёл разговор Саныч, завидев издали облитую солнцем чебуречную.

Чалдонов, сделав глубокомысленное лицо, изрёк:

– Пиво без водки – деньги на ветер. Хотя теперь уже надо соблюдать культуру питья, ведь завтра научно-практическая конференция.

Чтобы сократить путь, они пошли напрямик по тропинке через пустырь. Саныч играючи перебрасывал по потемневшей стезе своё поджарое тело, а Алексей Фёдорович шёл сзади, и вроде след в след, но под его весом снег то и дело проваливался. Роскошная ругань густо заполняла пространство вокруг вперемешку с репликами о том, что нормальные люди сейчас на машине к ресторану подъезжают с красивыми женщинами, а два балбеса идут по неверно выбранной дороге в дешёвый пивбар.

Пиво в самом деле было дешёвое и водянистое, а обстановка приятная. Кругом гудел рабочий класс, звенели массивные пивные кружки, из хриплой колонки вырывался шансон, а за соседним столом, уже изрядно набравшись, громко спорили два завсегдатая, и, возможно, назревала потасовка. Спиртное лилось рекой, горячий жир с чебуреков стекал по пальцам. Чалдонов с Санычем любили приходить сюда, в том числе и для того, чтобы посмотреть очередной спектакль. Учитель ОБЖ, в который раз глядя на серые, пьяные лица, слушая нескладную, державшуюся только на нецензурных выражениях речь, с удовлетворением чувствовал, что род его занятий интеллектуального характера и что он не ровня этим пролетариям.

Саныч, словно угадав ход его мыслей, сказал:

– А ты слышал, что географ новый уволился?

– Что так?

– Он когда устраивался, шефа о зарплате спрашивал. А тот ему наплёл про премиальные баллы, про положение по оплате труда, про перспективы молодого специалиста в гимназии, про профессиональный рост. Ну ты знаешь его! Вот парень и бегал в первые месяцы, как Егорка, такой активный, воодушевлённый, а потом одну ракушку получил, другую... и клюв повесил.

– Ему, наверное, сказали, чтобы подождал, не всё же сразу? – злорадно ухмыльнулся Чалдонов.

– Ну вот он и ждал до марта, а тут место подвернулось, пошёл на завод в электролизный цех. Молодую жену кормить надо.

– Зря ушёл, молодой ещё, ума нет. Мои одноклассники, что на заводе, выглядят лет на двадцать старше меня, а кто уже и спился совсем.

– Я тоже считаю, зря. Да его, понимаешь, ещё и тётки наши невзлюбили, завучи. На нас-то с тобой где залезешь, там и слезешь, а его строили по полной программе, как мальчишку.

И, как у них повелось, разговор в очередной раз перешёл на женщин гимназии.

– Да они хуже американцев, – горячился Чалдонов. – Те хоть где-то далеко пакостят, а эти здесь сидят.

– И, заметь, не просто сидят, – подхватил Саныч, а наши деньги делят. Создали там, понимаешь, премиальную комиссию – и тусуют. А премия-то, считай, половина учительской зарплаты.

– Я тут захожу на днях в кабинет к Нателле, – кривился Чалдонов. – В чём, говорю, дело? Почему у меня стимулирующих выплат опять с гулькин нос? А она лобик наморщила, губы трубочкой сделала и манерно так вопрошает:

– А какие у Вас, Алексей Фёдорович, в отчётном периоде достижения?

– Успеваемость, говорю, у меня на сто процентов! Откройте все журналы – одни пятерки. Вот у Будорагина, например, кругом двойки, а у меня пятак, потому что у меня, говорю, индивидуальный подход!

Саныч захохотал от души.

– Ты бы ей ещё про метод самоконтроля рассказал, когда учитель на первом уроке слегка болеет.

– Мы, Алексей Фёдорович, с Вами, – продолжал, передразнивая, Чалдонов, – говорим на разных языках. Конечно, на разных. У неё муж на разрезе каким-то микроначальником, сама тут лапу на деньги положила, а у меня двое малых детей. Хорошо ещё, что с завхозихой мы на короткой ноге. Вот ей я и снег с крыши скидываю, и дыры в спортзале перфоратором сверлю, потому что платит сразу и наличкой. Да если бы мне за каждую дырку платили, вся гимназия была бы как решето.

– А Семенова-то, подружка её, как чудит, – забавлялся Саныч. – На новой машине в гимназию ездит. Школа стоит, считай, во дворе её дома, пару минут ходьбы до боковой калитки. Так нет же, не поленится выйти пораньше, разогреть двигатель, дать круг, объехать полквартала, чтобы только подкатить центральному входу.

– А вот взять хоть тебя, Саныч. Ты у шефа на хорошем счету. Дети твои на олимпиадах побеждают, с женщинами вроде умеешь, – где с шуткой, где с комплиментом, кого-то и за талию ущипнёшь.

– Надо знать, кого и когда, – многозначительно заметил бывалый педагог, шаловливо приглаживая седые уже виски.

– Так вот, – продолжал Чалдонов, – как бы ты ни изощрялся, кого бы ни приобнимал, а зарплата у тебя будет всегда меньше, чем у них, и ничем ты этих тёток не пробьёшь.

И добавил:

– Хорошо ещё, что директор – мужик, а так бы вообще была засада. Сожрали бы нас с тобой!

Саныч лукаво посмотрел на горящие от негодования щёки и взъерошенную макушку друга.

– За меня, пожалуй, не беспокойся, а скажи мне лучше, Лёша, как на духу, чего ты-то в жизни хочешь?

– Я здоровый умный мужчина в самом расцвете сил. Хочу иметь возможность зарабатывать себе на достойную жизнь.

– Эка куда хватанул! Замахнулся нарушить основы мироздания. Да когда на Руси было время, чтобы простому смертному давали заработать? Предоставь тебе такую возможность – ты, чего доброго, человеком себя почувствуешь, вопросы ненужные начнёшь задавать. Не-е-т, – убеждённо мотнул головой Саныч, – живуча народная поговорка: от трудов праведных не наживёшь палат каменных.

– Ну, вот я и говорю, – продолжал невозмутимо Алексей Фёдорович, – мне бы такое местечко, чтобы не вкалывать, а руководить да средства распределять.

И Чалдонов мечтательно вскинул глаза:

– Эх, живут же люди, при власти, при деньгах...

– В этом вопросе ничего не меняется, – подтвердил Саныч. – Кто при власти, тот и при деньгах. Ещё во времена Московского государства боярин, когда приходил к царю с просьбой назначить его поуправлять какой-нибудь областью, говорил так: «Пусти покормиться». И его пускали, то есть «сажали на корм». Только вот ты, Алексей Фёдорович, при делёжке пирога кому нужен?

Повисла пауза. И было слышно сквозь шум пивбара, как в дальнем углу перепивший субъект кричал с надрывом в лицо своему соседу:

– Я справедливости хочу! Всю жизнь в литейном отпахал, а сейчас вот под сокращение. Здоровья, говорят, у тебя нет. Отработанный ресурс! А где, спрашиваю, моё здоровье? Куда я его потратил?

– Давно конвертировано его здоровье, – невесело усмехнулся Саныч, – в офшорах на Кипре.

– Ты на мне крест раньше времени не ставь, – с упрямством в голосе продолжил Чалдонов. – Зачем вот меня шеф завтра к себе вызывает после конференции? По мою душу, говорит, из администрации звонили.

– Ну, известное дело. По выборам что-нибудь.

– Да нет, там по этому вопросу ещё никто и не чешется. Тут другое. Слушай, а может, меня директором школы хотят поставить? Точно знаю, в районе освобождается одна. Новое здание. Хороший фонд оплаты труда. А что? – всё более возбуждался Чалдонов. – Я исполнительный. Каждый раз в день голосования на моём участке лучшая явка в районе. Всегда выхожу на прогнозируемый процент. Опять же, погляди, какие у меня антропометрические данные. Красивый директор! Любо-дорого посмотреть!

И Чалдонов, выпрямившись, расправив плечи, изобразил такой взор, словно за грязным деревянным столом в эту минуту сидел не учитель ОБЖ, а, как минимум, глава района.

Саныч в раздумье покачал головой:

– Директор Алексей Чалдонов... маловероятно.

– Это почему это? – надулись щетинистые губы.

– Антропометрия у тебя, конечно хорошая, да вот гибкости в позвоночнике совсем нет. У нас только тем директорам школ с прямой спиной позволено ходить, у кого хороший блат наверху.

И Саныч, взглянув на пустую кружку, в сердцах махнув рукой, как казалось, до самой администрации, резюмировал:

– Эх! Да ну их всех в баню, Лёша! Давай повторим!

Друзья возвращались домой уже вечером. В тёплых мартовских сумерках весело светились окна окрестных домов. И подпрыгивали у них перед глазами. И было хорошо.

Утром Чалдонов сидел на почётном месте председателя жюри. Помятое лицо его с царапиной на подбородке (след от торопливого бритья) выражало суровость. По правую и левую руку от него, словно народные заседатели в суде, расположились два одиннадцатиклассника. Но Чалдонов знал, что именно он здесь принимает решение, и результаты работы секции зависят только от него. Настроение его поначалу было такое, как у человека, отработавшего ночную смену, которому объявили, что сменщик не пришёл, и надо задержаться ещё на пару часов.

Собирались уже начинать, когда из-за парты встал с улыбочкой румяный круглолицый мальчик из шестого «Б» – Сеня Лёвушкин. Он резво, как ни в чём ни бывало, подошёл к судейскому столу, поставил перед Алексеем Фёдоровичем шоколадного зайца и, всё так же улыбаясь, вернулся на место.

Дальше Чалдонов, надув щёки, делал вид, что слушает доклады. Молча кивал головой и не задавал лишних вопросов. Однако следует сказать, что и доклады были средненькие, не привлекающие внимания. Материал участниками в основном был сдёрнут с Интернета и совсем неумело ими скомпонован. Кто-то добросовестно выучил эту сдутую информацию, но большинство читало по бумажке. Да к тому же победителя опытный учитель уже определил.

С каждым прошедшим докладом настроение председателя жюри всё больше поднималось. Мероприятие приближалось к концу и проходило по всем канонам. Докладчики переживали и украдкой смотрели в сторону главного арбитра, пытаясь угадать, что у того на уме, а подобревший арбитр то и дело бросал взгляд на зайца, который, как он определил, был внутри с коньяком. Тот подмигивал ему шоколадным глазом и, казалось, говорил, даже не говорил, а кричал во всеуслышание: «Респект Вам и уважение, Алексей Фёдорович!» И когда выступал Лёвушкин, временами заглядывая в листок, Чалдонов уже не сдвигал грозно брови, а улыбался.

Однако он рано расслабился, небольшое испытание ему всё же предстояло. Последним к доске вышел Ваня Скворцов. Чалдонов

вспомнил, как биологичка с утра что-то говорила ему про этого ученика. Вроде как способный.

Скворцов вынес с собой два горшка с растениями. Впрочем, учитель с дипломом «география и биология» слабо разбирался в растениях. Для него всё, что не дерево, было трава. Только в одном горшке трава была зелёная кустистая, с бутонами, а в другом квёлая, пожелтевшая и явно мучилась. И как давай этот Скворцов рассказывать, какие условия он этим цветам создавал, какой организовал режим полива, как изменял характер освещения и влажности, какими удобрениями подкармливал, исходя из состава почвы. Причём все изменения фиксировал в динамике, представляя результаты в таблице, иллюстрируя их фотографиями. И чем дольше Чалдонов слушал, тем больше понимал, что мальчишка, по сути, провёл и оформил полноценное исследование. И тем больше нарастало у него внутреннее напряжение. Даже зачесалось под лопаткой. Стало возникать сомнение, что было совсем некстати за пять минут до объявления результатов. Председатель жюри опять сдвинул брови, но теперь уже по-настоящему задумался.

Вечером того же дня Алексей Фёдорович был в самом благодушном настроении. Они с Санычем сидели за тем же деревянным столом, отмечая важное событие: Чалдонова наградили медалью «За веру в добро» (медаль «За веру в выборы» ещё не додумались давать). Между пивными кружками стоял тот самый подмигивающий зверь, и Чалдонов объяснял его происхождение, да и вообще, приукрашивая, расписывал свою работу на научно-практической конференции.

Выслушав незатейливый рассказ, Саныч с лёгкой улыбкой укоризненно покачал головой:

– Как же ты так, Лёша, медали «За веру в добро» получаешь, а способного ребёнка засудил.

На что последовал серьёзный, заранее обдуманый ответ:

– Я – учитель, инженер человеческих душ, а потому должен закреплять у детей социально успешные модели поведения. Разве можно у нас в реальной жизни стать первым без шоколадного зайца? Вторым... ещё может быть, но первым никогда! Чем быстрее тот же Скворцов это поймёт, тем лучше.

И Чалдонов вперил взгляд в своего соратника:

– Скажи, что это не так?

– М-м-да... – протянул Саныч, – живуча народная поговорка: всяк подьячий любит калач горячий. Лет пятьсот уже, наверное, ей. Такой вот у нас менталитет.

Затем, взглянув на опустевшую кружку, резюмировал:

– Ну, что тут скажешь, Лёша... Давай повторим!

В этот вечер Чалдонов спал сном младенца, как человек, добросовестно исполнивший свой долг. Крепко спал и окрылённый успехом Лёвушкин. И только Ваня Скворцов ворочался. У мальчишки был пытливый ум, он всё пытался понять, чего в его докладе не хватило для первого места. Но мысли его путались, внимание рассеивалось. И уже в полудрёме всё всплывало перед ним, подмигивая, и словно пытался о чём-то сказать стоящий на столе председателя жюри шоколадный заяц.

Содержание

Гладиатор.....	4
Генетический брак.....	11
Шоколадный заяц.....	40

На первой странице обложки – рисунок из интернета

Тираж – 40 экз.

– Вечно ты в работе. А мы с подругой расфасуем своих оборотов по загородным лагерям и рванём на турецкий берег. Кстати, что за маскарад был у тебя возле дверей на последнем уроке.

– Ребята показывали сцены из Шекспира. Молодцы, постарались. Прошло на ура.

Басова усмехнулась:

– Оно тебе надо? У нас лишний выпендрёж не оплачивается. К тому же в очередной раз по шее получишь за самодеятельность. Или Шекспир опять в программе?

– Причём тут программа, – возразила Аверина. Дело не в ней, а в детях. Да и сама я не могу по-другому. Такой уж я, видимо, учитель.

– Аниматор, – подчеркнуто мягко поправила Басова. Все мы теперь неизвестно кто по новому закону об образовании. И вообще у нас концепция развлекательной педагогики. Сегодня ты уже двойку ребёнку не поставишь. Скоро и тройку ликвидируют как оценку.

Сафонов О. Генетический брак

